РК
ЛИЦЕЙ
Б 289
136294
УрГУ

3909

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ
К. Батюшкова.

Уральская Областная Библиотека

Проверено 1936

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1817.

Фундаментальная Научная библиотека ЧГУ

Пр. 1940

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗѢ

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ II.

СТИХИ.

Vade, sed incultus. . . .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1817.

1332
136294
4758
Фундаментальная Научной библиотеки Кр. Г. У. Рига

OTELLO

Мы должны предупредить любителей Словесности, что большая часть сихъ Стихотвореній была написана прежде Опытовъ въ Прозѣ, въ разныя времена, посреди шума лагерей, или въ краткія отдохновенія воина; но назначать время, *когда и гдѣ* что было написано, мы не почли за нужное. Издатель надѣется, что читатели сами легко отличатъ послѣднія произведенія отъ первыхъ, и найдутъ въ нихъ большую зрѣлость въ мысляхъ и строгость въ выборѣ предметовъ.

Издатель.

Погрѣшности, Часть I.

Напечатано,			читай:
Стр.	Строк.		
16.	21.	,ученость обширную	.Ученость обширную
59.	7.	Мандрикала	Мандрикара
86.	2.	*	На оборотѣ къ стро. 9.
96.	8.	Скальда	Оскольда
118.	1.	мережи	мрежи
146.	11.	amirare	admirari
244.	19.	удара убѣгаетъ,	удара убѣгая
275.	8.	оживляетъ	оживляетъ,
303.	3.	страданіе	состраданіе
313.	25.	совѣты наблюденія	совѣты и наблюденія
318.	1.	сказанія древнихъ.	сказанія древнихъ.)
321.	20.	calces	calices
323.	25.	наемнымъ путемъ	земнымъ путемъ

Погрѣшности и перемѣны. Часть II.

Стр.	Стп.		
17.	8.	Иль слышенъ вой звѣрей.	До утреннихъ лучей.
25.	7.	съ жаждой	въ жаждѣ
37.	11.	помрачитъ;	помрачитъ,
65.	11.	и лай борзыхъ	и гончихъ лай
66.	8.	подъ мной	кругомъ меня
71.	5.	Сциллы стонъ;	Сциллы стонъ
93.	1.	Колхиду	Халхиду
99.	2.	Воспѣлъ пріятнымъ гласомъ весну, веселую	воспѣлъ веселымъ гласомъ весну, роскошную —
142.	14.	Поэта смиренаго	Пѣвца смиреннаго
153.	7.	....для Армиды; коварныхъ глазъ	...для Армиды, коварныхъ глазъ;
155.	4.	съ горести	въ горести
162.	1.	отъ милыхъ Лиръ	отъ милыхъ Ларь
181.	3.	уздечка бранная	уздечка браная
190.	8.	О странный часъ!	О страшный часъ!
198.	3.	Къ Киѳерѣ иль Паѳосу	Къ Цитерѣ иль Пафосу

ПРИМѢЧАНІЕ

къ Элегіи Гезіодъ и Омиръ,

стр. 93.

Эта Элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ Французскихъ Стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ годѣ, въ цвѣтущей молодости. Французскія Музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники: нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспориваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ Поэмы Труды и Дни, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы, говоритъ онъ въ началѣ Ѳеогоніи, нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, Царь Евбейскій, умирая завѣщалъ, чтобы въ день смерти его, ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. — Плутархъ, въ сочиненіи своемъ, Пиръ Семи Мудрецовъ, заставляетъ разсказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ, и въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. — Жрица Дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Евбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ Поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ Музы дорого таланты продаютъ!

ПРИМѢЧАНІЕ

къ Элегіи Умирающій Тассъ,

стр. 245.

Не одна Исторія, но Живопись и Поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его конечно извѣстна любителямъ Словесности: мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали мысль къ этой Элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой Іерусалимъ Альфонсу, Герцогу Феррарскому: (o magnanimo Alfonso!..); и великодушный Покровитель, безъ вины, безъ суда, заключилъ его въ больницу С. Анны, т. е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтань, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго Мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ Стихотворцемъ!..Но вотъ что Монтань пишетъ въ Опытахъ: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя; не узналъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его, напечатаны неисправно, безобразно.“ — Тассъ, къ дополненію нещастія, не былъ совершенно сумасшедшій, и, въ ясныя минуты разсудка, чувствовалъ всю горесть своего положенія. Воображеніе главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣнило. И въ узахъ онъ сочинялъ безперестанно. Наконецъ, по усильнымъ просбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщеной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣсяца и нѣсколько дней). Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ; однимъ словомъ, всѣ горести, всѣ

бѣдствія, какимъ только можетъ быть обременень человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе, и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просбами Кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему Тріумфъ въ Капитоліѣ; ,,Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый, сказалъ ему Папа, не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со временъ Петрарка (во всѣхъ отношеніяхъ щастливѣйшаго Стихотворца Италіи), Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ, желали присутствовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья Стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ Апрѣлѣ все было готово, но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія; и тамъ — окруженный друзьями, и братіей мирной обители, на одрѣ мученія, ожидалъ кончины. Къ нещастію, вѣрнѣйшій его пріятель Костантини, не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа Пѣвца Іерусалима: ,,Что скажетъ мой Костантини, когда узнаетъ о кончинѣ своего милаго Торкватто? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами, и, какъ быстрый потокъ увлекаетъ меня....Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную, (не хочу упоминать о неблагодарности людей!) Фортуна торжествуетъ! Нищимъ я доведенъ ею до гроба, въ то время, какъ надѣялся, что слава, приобрѣтенная на перекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно безполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія, не потому единственно, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ Святыхъ отшельниковъ, на-

чашь мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я любя и уважая тебя въ сей жизни, и въ будущей — которая есть настоящая — не премину все совершить, чего требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благости небесной, и себя поручаю. Прости! — Римъ. — С. Онуфрій.,, — Тассъ умеръ 10 Апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ Христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ, и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаградить утрату Тріумфа. По его приказанію — говоритъ Жингене, въ Исторіи Литтературы Италіанской, — шѣло Тассово было облечено въ Римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома Кардиналовъ Альдобрандини, и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго Геній прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италію; и который столь дорого купилъ позднія, печальныя почести!...

Кардиналъ Цинтіо (или Чинціо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ Поэту великолѣпную гробницу. Два Оратора приготовили надгробныя рѣчи, одну Латинскую, другую Италіянскую. Молодые Стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть Кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители С. Онуфрія, смиренная брашія показываютъ и понынѣ путешественнику простый камень съ этой надписью: Torquati Tassi ossa hic jacent. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго Стихотворца, что сынъ угрюмаго сѣвера, обязанный Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ друзьямъ.

ЭЛЕГІИ.

	стр.
Надежда	9
На развалинахъ замка въ Швеціи .	11
Элегія изъ Тибулла	19
Воспоминаніе	27
Воспоминаніе, отрывокъ . . .	30
Выздоровленіе	33
Мщеніе	35
Привидѣніе	39
Тибуллова Элегія III	43
Мой Геній	46
Дружество	47
Тѣнь друга	48
Тибуллова Элегія XI	52
Веселый часъ	59
Въ день рожденія N.	64
Пробужденіе	65
Разлука	66
Таврида	68
Судьба Одиссея	71
Послѣдняя весна	72
Къ Г**чу	75
Къ Д**ву	77
Источникъ	81
На смерть супруги К — на . .	84
Плѣнный	86
Гезіодъ и Омиръ	93

стр.
Къ другу 101
Мечта 106

ПОСЛАНІЯ.

— Мои Пенаты 121
Посланіе къ Г. В — му 138
Посланіе къ Т — ву 142
Отвѣтъ Г — чу 146
Къ Ж — му 148
Отвѣтъ Т — ву 153
Къ П — ну 157
Посланіе къ М. А. 160

СМѢСЬ.

Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго Монастыря . . . 169
Пѣснь Гаральда смѣлаго . . . 172
Вакханка 175
Сонъ воиновъ 177
Разлука 180
Ложный страхъ 183
Сонъ Могольца, ... 186
Любовь въ челнокѣ 189
Щастливецъ 192
Радость 196
Посланіе Къ П. 199
Эпиграммы, Надписи, и проч. . . 202
Странствователь и Домосѣдъ, Сказка. 208
Переходъ черезъ Рейнъ, 1814. . . 233
Умирающій Тассъ, Элегія . . 245
Бесѣдка Музъ 254

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ
драгоцѣненъ.
Я добрымъ Геніемъ увѣренъ,
Что въ семъ Дедалѣ рифмъ и словъ
Недостаетъ искусства:
Но дружество найдетъ мои, въ замѣну,
чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья;
Заботы, суеты, печали прежнихъ дней,
И легкокрылы наслажденья;

Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ;

Какъ вовсе умиралъ для свѣта;

Какъ снова мой челнокъ фортунѣ по-

вѣрялъ . . .

И словомъ, весь Журналъ

Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго

Поэта,

Найдетъ и молвитъ такъ:

„Нашъ другъ былъ часто легковѣ-

ренъ;

„Былъ вѣтренъ въ Пафосѣ; на Пиндѣ

былъ чудакъ;

„ Но дружбѣ онъ за то всегда остался
вѣренъ;
„ Стихами никому изъ насъ не докучалъ;
„ (А на Парнассѣ это чудо!)
„ И жилъ такъ точно, какъ писалъ...
„ Ни хорошо, ни худо!“

ЭЛЕГІИ.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся; будь въ терпѣньи камень.
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечь врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу, въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?

Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру, стезею попаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мои былъ Вожатаи неизмѣнной?

* * *

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ его: и краше всѣхъ
Даровъ, Надежда лучшей жизни!
Когдажъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА

въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ,
И тихо погрузилось въ волны! . . .
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и брега безмолвны.
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взы-
ваетъ;
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ.

* * *

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:

Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы — и вѣтхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

* * *

Все тихо: мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье:
И пустникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющь по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя пивердыни
Надъ спящею водой:

* * *

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,

Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ перна-
тыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечь тяжелый,
Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой;
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
Всегда, и всюду твой!

* * *

А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ
отцовъ,
И Гелы кляшвою кровавой,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!
И пылкій юноша мечь прадѣдовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой
брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

* * *

Война, война врагамъ отеческой земли!—
Суда на утро возшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валкалу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

* * *

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лѣти съ добычей бранной;
Ужь вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранной!
Ужь Скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Ужь дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

* * *

Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золо-

той

Тебя невѣста ожидаетъ,

Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,

Боговъ на милость преклоняетъ . . .

Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,

Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами;

О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими успами

Въ вѣтрила кораблей!

* * *

Суда у береговъ, на нихъ уже герой

Съ добычей женъ иноплеменныхъ;

Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой

И лики Скальдовъ вдохновенныхъ.

Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,

Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,

Попупя ясный взоръ, краспѣетъ и блѣднѣетъ,

Какъ мѣсяцъ въ небесахъ. . . .

* * *

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ;
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ Скальды пѣли брань, и персты ихъ лѣпали
По пламеннымъ струнамъ.

* * *

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ перна-
тыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣ-
сни сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней.

* * *

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде Скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло!
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя
лани,
Иль слышенъ вой звѣрей.

* * *

Гдѣ жъ вы, о сильные, вы Галловъ бичь и
страхъ,
Земель полночныхъ Исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ челнокахъ
Прошекши дальныя пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей? —

* * *

Погибли сильные! — Но странникъ въ сихъ
мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ,
И руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности, читаетъ.
Орагай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ
свой,
Гласитъ ему: смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драго-
цѣнны;
Почти ихъ гробъ святой!

ЭЛЕГІЯ ИЗЪ ТИБУЛЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Месалла! безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орламиРимскими къ восточнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ. —
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной
рукою . . . .
Неумолимая! Нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ
костра?
Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И муро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной, —
Она, и въ самый часъ раздуки роковой

Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопро-
шала;
И жребій щастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальный путь. Я самъ, лишенный скор-
бью силъ,
Утѣшься, Деліи сквозь слезы говорилъ;
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня останавлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвя-
щенный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умѣете любить,
Спрашивается любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,

Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья,
И волхвованье жрицъ и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ,
И очищенія священною водою?
Все тщетно милая, Тибулла пѣлнъ съ тобою.
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делія мастики принесетъ,
Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
И съ распущенными по вѣтру волосами
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды и луна,
До возхожденія румяныя Авроры,
Услышатъ гласъ ея и Жрицъ Фарійскихъ хоры.
Отдай богиня мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богатыя
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты!
За чѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена,
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали

И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ;
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъярен-
ным,
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ
безцѣнным
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ.
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ лѣни
зеленой;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сосцовъ пыпающихъ овецъ. —
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,

На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена нещастны!
Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
Повсюду рыщетъ смерть, на сушѣ, на водахъ...
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ!
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ.
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный насталъ—
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
„Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ.“
Единственный мой богъ и сердца властелинъ
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межь рощей и полей;

Гдѣ разцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ
водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межь древесъ, какъ легки при-
видѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,
Тотъ посипъ на чедѣ изъ свѣжихъ миртъ
вѣнокъ.
А тамъ, внупри земли, во пропастяхъ ужас-
ныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ нещастныхъ,
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
Мегера страшная и Тизифона тамъ:
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими зміями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? адскій песъ лежитъ у мѣд-
ныхъ врапъ;

Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Эпкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный зміей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ съ жаждой пламенной Танталь безчеловѣчной,
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ;
Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.

При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной,
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной
И тихо вретено кружа въ рукѣ своей
Раскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и прялица изъ рукъ
Падетъ . . . и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны. . .
Когдажь Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обойметъ?

ВОСПОМИНАНІЕ.

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ
поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Смотрѣлъ въ туманну даль! Луна на небесахъ
Во всемъ величіи блистала,
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтьви освѣщала;
Аль свѣтлый чуть струю лѣнивую катилъ,
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ
и рощи;
Едва дымился огнь въ часы туманной нощи,
Близь кущи ратника, который сномъ почилъ.
О Гейльсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ столько разъ въ ночи луною освѣщенный,

Я въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ щасливый,
На смерть лѣтя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжеду рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну. —
И буря дней моихъ изчезла какъ мечта! . .
Осталось мрачно вспоминанье . . .
Между протекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сближитъ съ нимъ одно мечтанье.
Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сію ужасную минуту,
Когда бодѣзнь вкушая люту,
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
По небо, внявъ моимъ моленіямъ усердным,
Взглянуло окомъ милосердымъ;

Я Неманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край,
И землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ стократъ, кто съ сельски-
ми богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай,
И шага не ступя за хижину убогу,
Къ себѣ богиню быстроногу
Въ молитвахъ не зоветъ!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и
кровью;
Могилу зритъ свою, и тихо смерти ждетъ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ОТРЫВОКЪ.

. . . . . .

Я чувствую, мой даръ въ Поэзіи погасъ,
И Муза пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый Геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ щастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ Лотосъ, силою волшебной врачевали.
Нѣтъ, нѣтъ! себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали! —
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Вспаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,

Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользитъ надъ пропастями онъ,
И вѣперъ буйный развѣваетъ
Моленій гласъ его, рыданія и стонъ....
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье!
Тебя, послѣдній сердца другъ!
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ богомъ!..
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго... и благости Творца. —
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы иль конца:
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ:
И въ мирѣ и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною;
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ
сталъ.
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордится надъ рѣкою,

И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребрепный кри-
сталъ:
Какъ часто средь толпы и шумной и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное Сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной.
Я имя милое ипвердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона,
И Эхо называть прекрасную училъ
Въ цзѣтущихъ пажипяхъ Ричмона.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальныя скалы граиишныхъ береговъ
И села пахарей и кущи рыбаковъ,
Сквозь тонки, утренни шуманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны.

. . . . . .

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ
жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ:
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца,
И думалъ: Парки часъ настанетъ.
Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужь сердце медлѣннѣе билось:
Я вянулъ, изчезалъ, и жизни молодой
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцалуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.

Ты снова жизнь даешь; она, твой даръ благой;
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой;
Я отъ любви теперь увяну.

МЩЕНІЕ.

Изъ Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый!
Зарю моихъ щастливыхъ дней
И слезы радости и клятвы легкокрилы,
Все время унесло съ любовію твоей!
И все погибло невозвратно,
Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ
приятной!
Но все любовью здѣсь исполнено моей,
И клятвы страшныя твои напоминаетъ.
Ихъ помнятъ и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,
И эхо томное ихъ часто повторяетъ.
Взгляни: здѣсь въ первый разъ я встрѣтил-
ся съ тобой,
Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной,

Цвѣла невинностью близь матери твоей.
Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ на-
дежды сладость;
Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,
Когда твою грозила младость
Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить:
Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить!
Но съ новой прелестью ты къ жизни воскре-
сала,
И въ первый разъ, *люблю* краснѣяся сказала.
(Тому сей дикій боръ нѣмый свидѣтель былъ).
Твоя рука въ моей, то млѣла, то пылала,
И первый поцалуй съ душею душу слилъ.
Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ
свиданье,
Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,
Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье
И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ;
Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,
И спрашно загремѣлъ надъ нами ярый громъ;

Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ,
И въ рощѣ сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была въ объятіяхъ моихъ,
И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ
нихъ!
О пламенный восторгъ! о страсти упоенье!
О сладострастіе . . . себя, всего забвенье!
Съ ея любовію утраченны на вѣкъ!
Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ:
Воспоминанье ваше
Отъ времени еще прелестнѣе и краше
Ея преступное, бдаженство помрачитъ;
И сердцу за меня коварному отмститъ,
Неизлѣчимою, жестокою тоскою.
Такъ! всюду образъ мой увидишь предъ собою,
Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,
Который съ нѣжностью сквозь слезы упре-
каетъ
И жребій съ трепетомъ читаетъ
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ.

Нѣтъ, въ лютой ревности карая престу-
пленье,
Явлюсь, какъ блѣдное въ полуночь привидѣнье,
И всюду слѣдовать я буду за тобой:
Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,
Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушев-
ленныхъ,
Гдѣ юность пылкая и взоръ щитаетъ твой.
Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея —
Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоми-
нать;
При имени моемъ блѣднѣя
Невольно трепетать.
Когдажь безвременно съ полей кровавой битвы,
Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,
Скажу: будь щастлива, въ послѣдній жизни
часъ;
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

ПРИВИДѢНІЕ.

Изъ Парни.

Посмотрите! въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ;
Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ;
Парка дни мои щипаетъ,
И отсрочки не даетъ.
Чтоже медлить! вѣдь Зевеса
Плачь и стонъ не укротитъ.
Смерти мрачной занавѣса
Упадетъ — и я забытъ! —
Я забытъ . . . но изъ могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, другъ мой милый,
Какъ мертвецъ, тебя пугать.
Въ часъ полуночныхъ явленій
Я не стану въ видѣ тѣни

То внезапу, то тишкомъ;
Съ воплемъ въ твой являться домъ,
Пѣтъ, по смерти, невидимкой
Буду въ кругъ тебя лѣтать;
На груди твоей подъ дымкой
Тайцы прелести лобзать;
Стану всюду развѣвать
Легкимъ устъ прикосновеньемъ,
Какъ зефира дуновеньемъ,
Опъ каштановыхъ волосъ
Тонкій запахъ свѣжихъ розъ,
Если лилія листами
Ко груди твоей прильнетъ;
Если яркими лучами
Въ камелькѣ огонь блеснетъ;
Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ;
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ —
Улыбнися, другъ безцѣнной,

Это я!—Когда же ты,

Сномъ закрывъ прелестны очи,

Обнажишь во мракѣ ночи

Розъ и лилій красоты,

Я вздохну . . . и гласъ мой томной,

Арфы голосу подобной,

Тихо въ воздухѣ умретъ.

Еслижъ легкими крилами

Сонъ глаза твои сомкнетъ,

Я невидимо съ мечтами

Стану плавать надъ тобой.

Сонъ твой, Хлоя, будетъ дологъ . . .

Но когда блеснетъ сквозь пологъ

Лучь денницы золотой,

Ты проснешься . . . о блаженство!

Я увижу совершенство . . .

Тайны прелести красотъ,

Гдѣ самъ пламенный Эротъ,

Оттѣнилъ рукой своею

Розой дѣвственну лилею;

Все опять въ моихъ глазахъ!

Всѣ покровы изчезаютъ;

Часъ блаженнѣйшій! . . . . . Но, ахъ!

Мертвые не воскресаютъ.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ III.

Изъ III книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно ѳиміамъ курилъ предъ алтарями;
Напрасно: — Дэліи ещe съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охранено?
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала, при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой! . . . Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Уже ли болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ

Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ
столбовъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ все одинъ Порфиръ, Тенера и Каристa,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, гдѣ силою прудовъ,
Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эрипрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багряницемъ напоенны?
Въ богатствѣль, щастіе? Въ немъ призракъ,
тщетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларъ своихъ за златомъ не
бѣжитъ;
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ,
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ!
И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
Тотъ кровъ соломенной чту крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Сто кратъ благословенъ! . . . . Но если
предо мною

Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ:
Упѣшитъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ!—и золото блестящаго Пактола;
И громкой славы шумъ, и самый блескъ
престола
Безъ Деліи ничто—а съ ней, и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно вретено,
И Деліей владѣть Тибуллу не дано;
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона,
Широкой цѣпію вкругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни
спятъ.

МОЙ ГЕНІЙ.

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златыя,
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милой, незабвенной,
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель Геній мой — любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Заснуль? приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальной сонъ.

ДРУЖЕСТВО.

Блаженъ, кто друга здѣсь посердцуобрѣтаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой!
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ,
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пириѳой.
Апридовъ сынъ въ цѣпяхъ: но зависти достоинъ!
Съ нимъ другъ его, Пиладъ .... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей!
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною!
И друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою
Щастливъ! ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

ТѢНЬ ДРУГА.

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert.

Я берегъ покидалъ шуманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взываньe
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила Сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.

Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ
товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими спру-
ями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро Майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
„Тыль это, милый другъ, товарищъ луч-
шихъ дней!
Тыль это? я вскричалъ, о воинъ вѣчно ми-
лой!
Не я-ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,

И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье;
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою, съ любовію сжимаетъ. . . .“
И я лѣтѣлъ къ нему . . . Но горній духъ изчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Изчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —

Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины.
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ, облакомъ подернутой луны,
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны,

Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,

И все душа за призракомъ лѣтѣла,

Все гостя горняго остановить хотѣла:

Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

---

*

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ

XI. изъ Iй книги.

Вольный переводъ.

Кто первый изостриль желѣзный мечъ и
стрѣлы?
Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные пре-
дѣлы
Миръ сладостный, и въ адъ открылъ обшир-
ный путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ
грудь
За золото, за прахъ, желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ? —
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межъ утвари простой,
И столъ былъ отягченъ избыткомъ сель-
скихъ брашенъ;
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,

И пастырь близь овецъ спокойно засыпалъ;
Тогда бы дни мои я радостьми считалъ!
Тогдабъ не чувствовалъ невольно трепетанье
При гласѣ бранныхъ трубъ! О тщетное ме-
чтанье!
Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ
лукъ тугой
Натянутъ на меня пернатою стрѣлой....

О боги! сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, отъ гибели спасите!
О вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безпечности златой отъ колыбельныхъ
дней;
Не постыдитеся, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни
злата,

Когда священный ликъ домашняго Пената,
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ про-
сныхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ мирповъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на праздпествахъ, въ дни Майскіе
веселы,
Съ толпою чадъ своихъ, оратай престарѣлый,
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
Спаситежъ вы меня отеческіе боги
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Цереринихъ даровъ,
А въ жертву—сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь свя-
щенный.

Пускай, скажу, въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой;
А мнѣ — пусть благости сей буду я до-
стоинъ: —
О подвигахъ своихъ раскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности; и сидя за столомъ
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ ви-
номъ.
Почто же вызывать намъ смерть изъ цар-
ства тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны сту-
пени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведетъ тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаетъ адскій песъ, гдѣ Фуріи свирѣпы,
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на
брегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!...

Хвала, хвала тебѣ, орапай домовитый!
Твой вечерѣетъ вѣкъ средь щастливой семьи;
Ты самъ, въ тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!
У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
Ябъ юность вспомянулъ за чашей круговою,
И были и дѣла давно протекшихъ дней!

Сынъ неба! свѣтлый Миръ! ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ священны;

А мечь, кровавый мечь, и шлемы оперенны,
Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Орагай изъ лѣсу, тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселен-
ный!
Дни мира, вы любви игривой драгоцѣнны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
Ты плачешь, Ливія? но побѣдитель твой,
Смотри! — у ногъ твоихъ, колѣна прекло-
няетъ.
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ ужь среди васъ размолвившихъ си-
дитъ!
Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
Но щастливъ, если могъ въ минутномъ
изступленьи,
Вѣнокъ на волосахъ кашпановыхъ измять,
И поясъ невзначай у дѣвы развязать!

Щастливъ, три кратъ щастливъ, когда твои
угрозы
Изторгли изъ очей любви безцѣнны слёзы!
А ты, взлелеянный межь копій и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ олтарей!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Вы, други, вы опять со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы щастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути;
Скажемъ юности: лѣти!
Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чащей радость пить:
Ахъ! не долго веселиться
И не вѣки въ щастьи жить!

Но вы, о други, вы со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ.

Станемъ други наслаждаться,
Станемъ розами вѣнчаться;
Лиза! сладко пить съ тобой,
Съ нимфой рѣзвой и живой!
Ахъ! обнимемся руками,
Съединимъ уста съ устами,
Души въ пламени сольемъ;
То воскреснемъ, то умремъ!...

Выль, други милые, со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ?

Я, любовью, упоенной,
Васъ забылъ, мои друзья!

Какъ сквозь облакъ вижу шемной
Чаши золотой края! . . .
Лиза розою пылаетъ;
Грудь любовію полна;
Улыбаясь наливаетъ
Чашу свѣтлаго вина.
Мы попопимъ горесть нашу
Други! въ эту полну чашу;
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!

Друзья! ужь мѣсяцъ надъ рѣкою,
Почили рощи сладкимъ сномъ;
Но намъ ли здѣсь искать покою
Съ любовью, съ дружбой и виномъ?
О радость! радость! Вакхъ веселой
Толпу ушѣхъ сзываетъ къ намъ;
А тутъ въ одеждѣ легкой, бѣлой,
Эрато гимнъ поетъ друзьямъ:
„Часы крилаты! не летите,
„И щастье мигомъ хоть продлите!“

Увы! бѣгутъ щастливы дни,
Бѣгутъ, лѣтятъ стрѣлой они!
Ни лѣнь, ни щастья наслажденья,
Не могутъ ихъ сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубитъ радость и покой.
Луга веселые, зелёны,
Ручьи кристальные, и садъ,
Гдѣ мшисты дубы, древни клёны,
Сплетаютъ вѣчну тѣнь прохладъ;
Ужель васъ зрѣть не буду болѣ?
Уже ли тамъ, на рапномъ полѣ,
Судилъ мнѣ рокъ сномъ вѣчнымъ спать?
Свирѣль и чаша золотая
Тамъ будутъ въ прахѣ истлѣвать;
Покроетъ ихъ трава густая,
Покроетъ, и ни чьей слезой
Забвенный прахъ не окропится. . .
Заранѣ должно ли крушиться?
Умру, и все умретъ со мной! . . .

Но вы еще, друзья, со мною
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ N.

О ты, которая была
Утѣхъ и радостей душою!
Какъ роза нѣкогда цвѣла
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Безъ пѣсней, безъ похвалъ встрѣчаешь день
рожденья;
Прими отъ дружества сердечны сожалѣнья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Льстецовъ бездушныхъ рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравовъ;
Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ.
Одинъ былъ нѣжный другъ . . . и онъ еще
съ тобой!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ окованныхъ мечтами:
Но я — не къ щастью пробужденъ
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И лай борзыхъ, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива:
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами.

РАЗЛУКА.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства;
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Подъ мной роптalъ и волновался;
Напрасно отъ береговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Цереро позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.

Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ — неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мерцвитъ и оживляетъ.

ТАВРИДА.

Другъ милый, ангелъ мой! сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священныя мѣста.
Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны нещастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ;
Забудемъ имена Фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ
землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отды-
хаетъ,
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ
и водъ:

Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ.
Послѣдніе дары Фортуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ сто-
кратъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ
Пальмиры Сѣвера огромной!
Весна ли красная блистаетъ средь полей,
Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль урну хладную вращая водолей,
Валитъ шумящій дождь, сѣдый туманъ и
мраки:
О радость! ты со мной встрѣчаешь солнца
свѣтъ,
И ложе щастія съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ.
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой
ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи

Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука
Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяныхъ устъ, и если хошь слегка
Лѣтающій Зефиръ власы твои развѣетъ
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ — не смѣетъ и вздохнуть:
Потупя взоръ стоитъ, дивится и нѣмѣетъ.

СУДЬБА ОДИССЕЯ.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Ишаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ;
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо сонnаго домчали
До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.
Проснулся онъ: и чтожъ? отчизны не позналъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА.

Въ поляхъ блистаетъ Май веселый!
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркой голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ:
Все новой жизни пьетъ дыханье!
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ;
Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины твоей.
„Простите рощи и долины
„Родныя рѣки и поля!
„Весна пришла, и часъ кончины
„Неотразимой вижу я!

„Такъ! Эпидавра прорицанье

„Вѣщало мнѣ: — Въ послѣдній разъ

„Услышишь горлицъ воркованье

„И Гальціоны тихій гласъ:

„Зазеленѣютъ гибки лозы,

„Поля одѣнутся въ цвѣты,

„Тамъ первыя увидишь розы

„И съ ними вдругъ увянешь ты.

„Ужь близокъ часъ... Цвѣточки милы,

„Къ чему такъ рано увядать?

„Закройте памятникъ унылый,

„Гдѣ прахъ мой будетъ изтлѣвать;

„Закройте путь къ нему собою

„Опять взоровъ дружбы навсегда.

„Но если Делія съ тоскою

„Къ нему приближится; тогда

„Исполните благоуханьемъ

„Вокругъ пустынный небосклонъ

„И томнымъ листьевъ трепетаньемъ

„Мой сладко очаруйте сонъ!“

Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И Гальціоны въ тихой часъ
Стенанья рощи повторяли;
А бѣдный юноша... погасъ!
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего;
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его:
Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле спадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

Къ Г***чу.

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василёкъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы? —
Путь къ забавамъ проложенъ;
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ всѣмъ играть;
И щастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко щастью устилалъ;
Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
Горесть сердца услаждалъ.

Пѣлъ опъ лѣни и досуга;
Муза — мнѣ была подруга;
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь, весна какъ сонъ
Легкокрылый изчезаетъ,
И съ собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты!
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, — завяли!
Ахъ! уже ли наградитъ
Слава щастія утрату,
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилѣпитъ?

Къ Д***ву.

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неисповыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ попомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной

Слезами скорби омочилъ.

И тамъ — гдѣ зданья величавы

И башни древнія Царей,

Свидѣтели протекшей славы

И новой славы нашихъ дней;

И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали

Останки иноковъ святыхъ,

И мимо вѣки протекали

Святыни не касаясь ихъ;

И тамъ, — гдѣ роскоши рукою,

Дней мира и трудовъ плоды,

Предъ златоглавою Москвою

Воздвигались храмы и сады; —

Лишь угли, прахъ и камней горы,

Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,

Лишь нищихъ бѣдные полки

Вездѣ мои встрѣчали взоры! . .

А ты, мой другъ, товарищъ мой,

Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,

Безпечность, щастье и покой

И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! шаланшъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь

Передъ враговъ сомкнушымъ строемъ —
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Харишы,
Вѣнки, рукой любови свишы,
И радость шумная въ винѣ!

ИСТОЧНИКЪ.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ:
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
Зафна! приближься: для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течетъ!

* * *

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любови ты мнѣ повторила;
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ!
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ:
Тише, источникъ! прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!...
Дѣва любви! — я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣетъ?... О другъ мой невинной,
Тихо прижьмися устами къ устамъ!..
Будь же ты скроменъ, источникъ пустынной,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

* * *

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца біенье и слезы въ очахъ;
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!..смотри... тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались, — цвѣточка ужъ нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ!

Время погубитъ и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дѣва любви!
Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!...

Зафна, о Зафна! — шамъ голубь невинной
Съ страстной подругой завидуютъ намъ...
Вздохи любови — источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ шумомъ умчитъ по полямъ!

---

*

НА СМЕРТЪ СУПРУГИ

Ѳ. Ѳ. К — на.

Nell' età sua più bella, e più fiorita...
...E viva, e bella al ciel salita

Petrarca.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной
Лилы!

Все осиротѣло!

Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый!

Щастье улетѣло!

Дружба! ты всечасно радости цвѣтами

Жизнь ея дарила;

Ты свою богиню, съ воплемъ и слезами

Въ землю положила.

Ты печальны шисы, кипарисны лозы,

Насади вкругъ урны!

Пусть приносимъ юность, въ даръ чистѣй-
шій слезы

И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть Зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти Геній
Розу обрываетъ.

ЗдѣсьГименъ прикованъ,блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою,
Гаситъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

ПЛѢННЫЙ.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый разцвѣтаетъ
Склонясь къ ея водамъ;
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златый лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ.

* * *

Въ часы вечернія прохлады
Любуяся рѣкой,
Стоялъ, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, Русской плѣнный,
Придонскихъ чеспь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ, толпой враговъ.

„Шуми, онъ пѣлъ, волнами, Рона,
И жапівы орошай,
Но плескомъ волнъ — роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
Я въ праздности теряю время,
Душою въ людствѣ сиръ;
Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы — бремя,
И пустъ прекрасный міръ!

* * *

„Весна вокругъ живитъ природу,
Ясиѣетъ солнца свѣтъ;
Все славитъ щастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ воспоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

„Здѣсь прелесть — сельскія дѣвицы!
Ихъ взоръ огнемъ горитъ,
И сквозь потупленны рѣсницы
Мнѣ радости сулитъ.
Какія радости въ чужбинѣ?
Онѣ въ родныхъ краяхъ;
Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
И въ дебряхъ и въ снѣгахъ.

* *
*

„Отдайтежъ мнѣ мою свободу!
Отдайте край отцовъ,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родинѣ мой кровъ,
Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
И день и ночь меня!

„На родину, въ сей теремъ древній,
Гдѣ ждетъ меня краса,
И подъ окномъ, въ часы вечерни,
Глядитъ на небеса;
О другѣ тайно помышляетъ...
Иль робкою рукой
Коня ретиваго ласкаетъ,
Тебя, соратникъ мой!

* *
*

„Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плескомъ волнъ — роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
О вѣтры, съ полночи летите
Отъ родины моей;
Вы, звѣзды сѣвера, горите
Изгаданику свѣтлѣи!“ —

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду Ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.
Онъ пѣлъ — у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучь солнца догаралъ.

ГЕЗІОДЪ и ОМИРЪ,

СОПЕРНИКИ.

Посвящено

А. Н. О.

любителю древности

ГЕЗІОДЪ и ОМИРЪ,

соперники.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы щастливой Еллады!
Тамъ сильный Владыка надъ прахомъ отца
Окончa печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ;
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спѣшите! Залейте студеной струёй
Пылающи оси и спицы;

Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ спойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните.
Внемлите народы, Еллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!

Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный
Здѣсь пѣсней Царь, Омиръ,
И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокой начинаетъ:
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ.)

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близь чистой Ипокрены;

Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: Орелъ громометатель
Отъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: ты земли и неба обладатель,

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую осѣнятъ,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія до-
лины,
Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше
неба:
Такъ выше всѣхъ боговъ, властитель ихъ,
Зевесъ!..

Гезіодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны,
Вы, Музы, любите сплетаться въ хороводъ,
Или торжественный въ Олимпъ свершая ходъ
Съ безсмертными вкушать напиткокъ Гебы
рьяный...

Омиръ.

Не знаетъ смерти Онъ: кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножемъ надъ Зевсовой
гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до
облаковъ.

Гезіодъ.

А мы всѣ смертные, всѣ Паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго Царя,
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря.

Омиръ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о юноша! ты пѣлъ Труды и Дни...
Для сипарца ветхаго ужь кончились они!

Гезіодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
На синемъ Спримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ: и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И чтожь? Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни.
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій! ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.

Пѣвецъ! въ успѣхахъ твоихъ Поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но...Музъ любимый жрецъ!..страшись руки
злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ;
Твой близокъ часъ: увы! тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную готовитъ для враговъ.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ...народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой Поэты начинали
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ гибнущихъ по прихоти Царей;
Пріама древняго съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣтей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.

А юный Гезіодъ, взлелеянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ пріятнымъ
гласомъ
Весну, веселую сопутницу Гіадъ:
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ;
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные орашая въ поляхъ.
Заботы сладкія при сборѣ винограда;
Тебя, желанный Миръ, лелеятель долинъ,
Благословенныхъ селъ, и пастырей и стада
Онъ пѣлъ. И слабый Царь, Колхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира,
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Щастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.

*

За нимъ, предъ нимъ, сыны Ахейскіе какъ
волны,
На край пристанища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ, овна младую кровь
Добременно богамъ подземнымъ посвящаетъ,
И Музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Сѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ убогій сирота,
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный
водитъ;
Онъ съ нимъ пристанища въ Елладѣ не на-
ходитъ;
И гдѣ найдутъ его палаитъ и нищета?

КЪ ДРУГУ.

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни щастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли;
Мы пили чашу сладострастья:

* *
*

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ?
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

* *
*

Гдѣ домъ твой, щастья домъ?.. Онъ въ бу-
рѣ бѣдъ изчезъ
И мѣсто поросло кропивой.
Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ
градской
И яркій Весперъ засіяетъ
На темномъ сѣверѣ: твой другъ, въ тиши
ночной,
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

* * *

Отъ самой юности служитель олтарей
Богини нѣги и прохлады;
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ страстей,
Я сердцу въ ней ищу отрады.

* * *

Повѣришь ли? я здѣсь, на пеплѣ храминъ сихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю,
И часто въ горести, въ волненьи чувствъ
моихъ
Потупя взоры, восклицаю:

* * *

Минутны странники мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни утратами щитаемъ;
На крыдьяхъ радости летимъ къ своимъ
друзьямъ,
И чтожь? ихъ урны обнимаемъ.

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все щастье смертной подъ луною:

* * *

Нравъ тихій Ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной изъ важныхъ Музъ
И прелесть — дѣвственной Харины.

* * *

Ты самъ, забывъ и свѣтъ и пищенный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался,
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣткомъ любовался.

* * *

Цвѣтокъ (увы!) изчезъ, какъ сладкая мечта!
Она, въ страданіяхъ почила,
И съ міромъ, въ страшный часъ, прощаясь навсегда...
На другѣ взоръ остановила.

Но дружба, можетъ быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тѣнь чистѣйшую, дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило.

* * *

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ!
Пріязнь и дружество непрочно! —
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

* * *

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ,
И Кліи мрачныя скрижали:
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвны пребывали.

* * *

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ топкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ.
Всѣ жизни предесши запримлись;
Мой Геній въ горести свѣтильникъ погашалъ
И Музы свѣтлыя сокрылись.

* *
*

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ изчезъ, прозрѣли вѣжды:
И Вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую Надежды.

* *
*

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ озаренъ;
Ногой надежною ступаю;
И съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

МЕЧТА.

Подруга нѣжныхъ Музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ
слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ щастливый край, та мирная пу-
стыня,
Къ которымъ ты стремишь таинственный
полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ
хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ вни-
маешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуж-
даешь,
Когда на западѣ зари мерцаетъ лучь
И хладная луна выходитъ изъ-за тучь?
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очаро-
ваньемъ,

Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ свя-
щеннымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!
Явися! ждетъ тебя задумчивый Піитъ,
Въ безмолвіи ночномъ сѣдящій у лампады;
Явись, и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонидъ,
И горесть сладостна бываетъ:
Онъ въ горести, *мечтаетъ*.

* *

*

То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
По небу стелится надъ пѣнимымъ океаномъ;
То съ чашей радости въ рукахъ,
Онъ съ Бардами поетъ: и мѣсяцъ въ облакахъ

И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаетъ,
И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяетъ.

* *

*

Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвны
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зазженныхъ въ полѣ брани;
И древній Царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани.
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:
— „Чья тѣнь, чья тѣнь, гласитъ
Въ священномъ изступленьи, —
Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, младый Пепель, иноплеменныхъ страхъ,
Днесь падшій на сраженьи!

Миръ, миръ тебѣ, герой!
Твоей сѣкирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но самъ ты палъ на грудахъ тѣлъ,
Палъ, витязь знаменитый,
Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!..
Ты палъ! И надъ тобой посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми копьями въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились!
Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
Глаза твои открылись!
Течетъ по жиламъ кровь
Чистѣйшаго эфира;
И ты, безплотный духъ,
Въ страны безвѣстны міра
Летишь стрѣлой . . . . и вдругъ —
Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги

Любовь и вѣчный пиръ. —

При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ

лиръ,

Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,

Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей

И златорогихъ сернъ. —

Склонясь на злачный дернъ

Съ дружиною младою

Тамъ снова съ арфой золотою

Въ воспоргѣ Скальдъ поетъ

О славѣ древнихъ лѣтъ

Поетъ, и храбрыхъ очи,

Какъ звѣзды тихой ночи,

Утѣхою блестятъ. —

Но вечеръ притекаетъ,

Часъ пѣши и прохладъ,

Гласъ Скальда замолкаетъ.

Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ

Идетъ въ Оденовъ домъ,

Гдѣ дочери Вериспы

Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яствы носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ.,, —
Такъ древній Скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
Онъ щасливъ, погрузясь о щастьи въ сладки
думы!

* *
*

О сладкая Мечта! о неба даръ благой!
Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ
природы,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ...я щасливъ былъ
тобой

Я щасливъ былъ, когда въ моемъ уединеньи,
Надъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,
Раздастся вѣтровъ свистъ и вой
И въ кровлю застучитъ и градъ и дождь
осенній.
Тогда на крыліяхъ Мечты
Леталъ я въ поднебесной;
Или забывшися на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушалъ прелестной,
И щастливъ наяву, былъ щасливъ и въ мечтахъ!

* * *

Волшебница моя! дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ.
Заклепы страшные съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой,
Все, все украшено тобой!...

Кто сердцемъ правъ, того ты вѣкъ не поки-
даешь:
За нимъ во всѣ страны летаешь,
И щастіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабытъ! что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость, въ день пасмурный,
осенній,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни,
Бесѣдуетъ одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
Что предъ тобой сердецъ холодныхъ
радость,
Веселій шумъ и блескъ честей
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною;
Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей!

* * *

Кто въ жизни не любилъ?
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался,

И щастья въ нихъ не находилъ?

Кто въ часъ глубокой ночи,

Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,

Всю сладость не вкусилъ обманчивой Мечты?

Теперь, любовникъ, ты

На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,

Ей шепчешь о любви и пламенной рукой

Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой;

Теперь блаженствуешь, и щастливъ ты —

Мечтой!

Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки,

И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки.

* * *

Мечтаніе душа Поэтовъ и стиховъ.

И ѣдкость сильная вѣковъ

Не можетъ прелестей лишить Анакреона;

Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ

Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣтахъ

Межь Нимфъ и сельскихъ Грацій,

Пѣвецъ веселія, Горацій!

Ты сладостно мечталъ,

Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ,

И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!

Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ успа-

рѣлыхъ,

На скатѣ бархатныхъ луговъ,

Въ щастливомъ Тибурѣ, въ твоемъ уеди-

неньи,

Ты ждалъ Глицерію, и въ сладостномъ заб-

веньи,

Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,

При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,

При пляскѣ Нимфъ вѣнчанныхъ,

Сплетенныхъ въ хороводъ,

При отдаленномъ шумѣ

Въ лугахъ журчащихъ водъ,

Безмолвенъ въ сладкой думѣ

Мечталъ...и вдругъ Мечтой

Восторженъ сладострастной,
У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
Побѣду пѣлъ любви
Надъ юностью безпечной,
И первый жаръ въ крови
И первый вздохъ сердечной,
Щастливецъ! воспѣвалъ
Цитерскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты вѣтралъ отдавалъ!

* * *

Ужели въ истинахъ печальныхъ,
Угрюмыхъ Стоиковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ плашьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?—
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ;

Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ
природы;
Имъ дѣвы не поютъ, сплетяся въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ...
Увы! по съ юностью изчезнутъ и мечтанья,
Изчезнутъ Грацій лобызанья,
Надежда измѣнитъ, и рой крылатыхъ сновъ.
Увы! тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ за-
жигаетъ,
И время старости могилу открываетъ.

*
* *

Но ты—пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣ-
нитъ,
Лобзая прахъ златый у мраморныхъ палатъ;—

Но я и щастливъ и богатъ,

Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,

А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!

Пустъ будетъ навсегда со мной

Завидное Поэтовъ свойство:

Блаженство находитъ въ убожествѣ, Мечтой!

Ихъ сердцу малость драгоцѣнна.

Какъ пчелка, медомъ отягченна,

Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,

Щипая моремъ — ручеёкъ;

Такъ хижину свою Поэтъ дворцомъ щитаетъ,

И щастливъ — *онъ мечтаетъ!*

ПОСЛАНІЯ.

МОИ ПЕНАТЫ.

Посланіе къ Ж. и В.

Отечески Пенаты,

О пестуны мои!

Вы златомъ не богаты,

Но любите свои

Норы и темны кельи,

Гдѣ васъ на новоселье,

Смиренно здѣсь и шамъ

Разставилъ по угламъ;

Гдѣ странникъ я бездомный,

Всегда въ желаньяхъ окромный,

Сыскалъ себѣ пріютъ.

О боги! будьте шутъ

Доступны, благосклонны!

Не вина благовонны,

Не шучный ѳиміамъ

Поэтъ приноситъ вамъ;

По слезы умиленья,

По сердца тихій жаръ,

И сладки пѣснопѣнья,

Богинь Пермесскихъ даръ!

О Лары! уживитесь

Въ обители моей,

Поэту улыбнитесь —

И будетъ щастливъ въ ней!...

Въ сей хижинѣ убогой

Стоитъ передъ окномъ

Столъ ветхой и треногой

Съ изорваннымъ сукномъ.

Въ углу, свидѣтель славы

И суеты мірской,

Виситъ полузаржавый

Мечь прадѣдовъ тупой;

Здѣсь книги выписныя,

Тамъ жесткая постель —

Все утвари простыя,

Все рухлая скудель!

Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!...

Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой;
Съ наемною душой
Развратные щастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые Князья!
Но вы, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися

У яркаго огня.

О старецъ, убѣленный

Годами и трудомъ,

Трикраты уязвленный

На приступѣ штыкомъ!

Двуструнной балалайкой

Походы прозвени

Про вицязя съ нагайкой,

Что въ жупелъ и въ огни

Леталъ передъ полками,

Какъ вихорь на поляхъ,

И вкругъ его рядами

Враги ложились въ прахъ!...

И ты, моя Лилета,

Въ смиренной уголокъ

Приди подъ вечерокъ

Тайкомъ переодѣта!

Подъ шляпою мужской

И кудри золотыя

И очи голубыя,

Прелестница, сокрой!

Накинь мой плащъ широкой,

Мечемъ вооружись

И въ полночи глубокой

Внезапно постучись...

Вошла — нарядъ военный

Упалъ къ ея ногамъ,

И кудри распущенны

Взвѣваютъ по плечамъ,

И грудь ея открылась

Съ лилейной бѣлизной:

Волшебница явилась

Пастушкой предо мной!

И вотъ съ улыбкой нѣжной

Садится у огня;

Рукою бѣлоснѣжной

Склонившись на меня,

И алыми устами,

Какъ вѣтеръ межь листами,

Мнѣ шепчетъ: „я твоя,

Твоя, мой другъ сердечной!...“

Блаженъ, въ сѣни безпечной

Кто милою своей,

Подъ кровомъ отъ ненастья,

На ложѣ сладострастья,

До утреннихъ лучей

Спокойно обладаетъ,

Спокойно засыпаетъ

Близь друга сладкимъ сномъ!...

Уже потухли звѣзды

Въ сіяніи дневномъ,

И пташки теплы гнѣзды,

Что свипы надъ окномъ,

Щебеча покидаютъ

И нѣгу отрясаютъ

Со крылышекъ своихъ;

Зефиръ листы колышетъ

И все любовью дышетъ

Среди полей моихъ;

Все съ утромъ оживаетъ,

А Лила почиваетъ

На ложѣ изъ цвѣтовъ...

И вѣтеръ тиховѣйной

Съ груди ея лилейной

Сдулъ дымчатой покровъ....

И въ локоны златыя

Двѣ розы молодыя

Съ нарциссами вплелись;

Сквозь тонкія преграды

Нога ища прохлады,

Скользитъ по ложу внизъ...

Я Лилы пью дыханье

На пламенныхъ устахъ,

Какъ розъ благоуханье,

Какъ нектаръ на пирахъ!..

Покойся, другъ прелестной,

Въ объятіяхъ моихъ!

Пускай въ странѣ безвѣстной,

Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,

Богинею слѣпою

Забытъ я отъ пелен!

Но дружбой и тобою

Съ избыткомъ награжденъ!

Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ;

Въ убожествѣ съ тобой

Мнѣ милъ шалашъ простой;

Безъ злата милъ и красенъ

Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и честей

Доступенъ добрый Геній

Поэзіи святой,

И часто, въ мирной сѣни,

Весѣдуетъ со мной.

Небесно вдохновенье

Порывъ крылатыхъ думъ!

(Когда страстей волненье

Успетъ... и свѣтлый умъ

Летая въ поднебесной,

Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаешъ хоры Музъ!)
Небесно вдохновенье,
За чѣмъ летишь стрѣлой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Спигійскихъ береговъ,
Иль области эѳирны,
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!...
И мертвые съ живыми

Вступили въ хоръ единъ!...
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ Героевъ, славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и Музъ и Грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона

Описываетъ намъ,

И ужинъ Агапона,

И паслажденья храмъ;

То древню Русь и нравы

Владиміра времянъ,

И въ колыбели Славы

Рожденіе Славянъ.

За ними Сильфъ прекрасной,

Воспитанникъ Харишъ,

На цитрѣ сладкогласной

О Душенькѣ бренчитъ;

Мелецкаго съ собою

Улыбкою зоветъ,

И съ нимъ, рука съ рукою,

Гимнъ радости поетъ!...

Съ Эротами играя

Философъ и Піитъ,

Близъ Федра и Пильпая

Тамъ Дмитріевъ сидитъ;

Бесѣдуя съ звѣрями

Какъ щастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истинну шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники - Піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радости взываю:
О музы! я Піитъ!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте щастье,

Сердечно сладострастье

И нѣгу и покой!

Фортуна! прочь съ дарами

Блистательныхъ суетъ!

Спокойными очами

Смотрю на твой полетъ:

Я въ пристань отъ ненастья

Челнокъ мой проводилъ,

И васъ, любимцы щастья,

На вѣки позабылъ...

Но вы, любимцы славы,

Наперсники забавы,

Любви и важныхъ Музъ,

Безпечные щастливцы,

Философы - лѣнивцы,

Враги придворныхъ узъ,

Друзья мои сердечны!

Придите въ часъ безпечный

Мой домикъ навѣстить —

Поспорить и попить!

Сложи печалей бремя,

Ж..... добрый мой!

Стрѣлою мчится время,

Веселіе стрѣлой!

Позволь же дружбѣ слёзы

И горесть усладить,

И щастья блеклы розы

Эротамъ оживить.,

О В .....! цвѣтами

Друзей твоихъ вѣнчай.

Даръ Вакха передъ нами:

Вотъ кубокъ — наливай!

Питомецъ Музъ надежный,

О Аристипповъ внукъ!

Ты любишь пѣсни нѣжны

И рюмокъ звонъ и стукъ!

Въ часъ нѣги и прохлады

На ужинахъ твоихъ

Ты любишь томны взгляды

Прелестницъ записныхъ:

И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ и блажь,
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь.
О! дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы....потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за щастьемъ
Въ путь жизни полетимъ;
Упьемся сладострастьемъ,
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!

Когда же Парки нощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ —
Товарищи любезны!
Не сѣтуйте о насъ.
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?...Но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ:

И пупникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ шутъ почиваетъ
Щастливцевъ молодыхъ!

ПОСЛАНІЕ

Г. В — му.

О ты, владѣющій гитарой Трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый Графъ, щастливы времена,
Когда насъ юношей увидѣла Двина!
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ Любви я началъ воевать,
И новой регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать! —
Заря весны моей! тебя какъ не бывало!
По сердце въ той странѣ сълюбовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный Трубадуръ!
Обѣтованный край! гдѣ вѣтренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ да-
руетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,

(Какимибъ и у насъ гордилась красота!)
Вливаетъ томный огнь и въ очи и въ уста,
А въ сердце юное любви прямое чувство.
Щастливыя мѣста, гдѣ нравиться искуство
Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вкругъ угольныхъ
огней,
За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ жур-
наломъ;
Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опа-
халомъ,
Люблю, люблю тебя! пришельцу говорятъ,
И руку жмутъ ему коварными перстами!

О мой любезный другъ! отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣ-
дами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье;

Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потерянны права,
И камни приводить въ движенье
И горы и лѣса!
Тогда я съ Сильфами взлечу на небеса,
И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь ... и Нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи
Какъ тѣни легкія, въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ Сильванами сойдутъ услышать голосъ мой.
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Восплещутъ бѣлыми руками,
И Майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ,
Повѣетъ тихими крилами:

Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣетъ тонкій
сонъ,
Отгонитъ легки сновидѣнья,
И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: „это онъ!
Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!“

ПОСЛАНІЕ

Къ Т — ву.

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы крошкій правъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ!
О ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или щастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смирнаго моленье,
Доспавь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокормленье!

Замолви слова два за нихъ

Краснорѣчивыми устами:

Лишь дайте имъ! промолви — вмигъ

Онѣ очутятся съ рублями.

Но кто *онѣ*? — Скажу точь въ точь

Всю повѣсть ихъ передъ тобою.

Онѣ — вдова и дочь,

Чета забытая судьбою.

Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ.....*овъ*,

Царя усердный воинъ.

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ

Онъ слѣдственно спокоенъ.

Но въ мірѣ онъ забылъ жену

Съ грудным ребенкомъ; и одну

Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.....

Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!

Имъ добры люди помогли,

Согрѣли, накормили,

И словомъ, какъ могли,

Сиротокъ пріютили.

Прекрасно! славно! — спору нѣтъ!

Но ....здѣшній свѣтъ

Не рай — мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.

Враги нахлынули рѣкою,

Съ землей сравнялася Москва....

И бѣдная вдова

Опять пошла съ клюкою....

А между тѣмъ все дочь растетъ

И нужды съ нею подрастаютъ.

День за день все идетъ, идетъ,

Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;

Старушка клонится, а дочь

Пышнѣе розы разцвѣтаетъ,

И стала.... Грація точь въ точь!

Прелестный взоръ, глаза большіе,

Румянецъ Флоры на щекахъ,

И кудри льняно-золотыя

На алебастровыхъ плечахъ.

Что слово молвитъ — то пріятство,

Что ни надѣнетъ — все къ лицу!

Краса, (увы!) ея богатство,
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Т . . . . . ъ другъ нашъ! ради Неба —
Прійди на помощь красотѣ,
Нещастію и нищетѣ!
Онѣ предъ Образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

ОТВѢТЪ

Г — чу.

Твой другъ тебѣ навѣкъ отъ нынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ;
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ матери суетъ.
Увы, мой другъ! я въ дни младые
Цирцеямъ такъже отслужилъ!
Въ карманы заглянулъ пустые,
Покинулъ миртъ и мечь сложилъ.
Пускай кто честолюбьемъ боленъ,
Бросаетъ съ Марсомъ огнь и громъ;
Но я — безвѣстностью доволенъ,
Въ *Сабинскомъ* домикѣ моемъ!
Тамъ глиняны свои Пенаты
Подъ сѣнью дружней съединимъ,
Поставимъ брашны небогаты
А дни мечтой позолотимъ.

И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ святой...
Увы! твой другъ не перестанетъ
Еще ей жертвовать собой! —
Какъ гость, весельемъ пресыщенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ!

---

*

К Ъ Ж — му.

Прости, Балладникъ мой,
Бѣлёва мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты щастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи тёмной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая;
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,

Въ отчизнѣ золотой

Прелестны гимны пой!

О! пой, любимецъ щастья,

Пока веселы дни

И розы сладострастья

Кипридою даны;

И роскошь золотая,

Всѣ блага разсыпая

Обильною рукой,

Тебѣ подноситъ вины,

И порперъ выписной,

И сочны апельсины,

И съ трюфлями пирогъ;

Весь Амальтеи рогъ,

Вовѣкъ неистощимый,

На жирный твой обѣдъ!

А мнѣ... покоя нѣтъ!

Смотри! неумолимый

Домашній Гипократъ,

Наперсникъ Парки блѣдной,

Поповъ слуга усердной,
Чумѣ и Смерти братъ,
Поклявшися Латынью
И практикой своей,
Поитъ меня полынью
И супомъ изъ костей;
Безъ дальняго старанья
До смерти запоитъ,
И къ вамъ писать посланья
Отправитъ за Коцитъ! —
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило:
Все, все прошло, какъ сонъ;
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,

Глаза потухли, впали,

И скорби начертали

Морщины на челѣ;

Навѣкъ изчезла сила

И доблесть прежнихъ лѣтъ.

Увы! мой другъ, и Лила

Меня не узнаетъ.

Вчера, съ улыбкой злою,

Мнѣ молвила она,

(Какъ древле Громобою

Коварный Сатана)

„Усопщій! миръ съ тобою!

„Усопшій, миръ съ тобою! „ —

Ахъ! это ли одно

Мнѣ рокомъ суждено

За древни прегрѣшенья? ...

Нѣтъ, новыя мученья,

Достойныя бѣсовъ!

Свои стихотворенья

Читаетъ мнѣ Свистовъ;

И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ!
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаютъ и читаютъ,
И до смерши меня
Убійцы зачитаютъ!

ОТВѢТЪ

Т — ву.

Ты правъ! Поэтъ не лжетъ,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ
Въ восторгѣ упоая,
Разсудка строгій гласъ
Забудетъ для Армиды;
Для двухъ коварныхъ глазъ
Подъ знаменемъ Киприды
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами:
Съ химерами живётъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной,
И міръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и честей,

Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей.
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,
Съ поникшей головою,
Съ унынiемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродитъ;
Одно твердитъ, поетъ:
Любовь, любовь зоветъ...
И риѳмы лишь находитъ!
Такъ! вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Купидонъ
Судилъ Поэтамъ горе.
Всѣ Нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ щастья розъ искали,

Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ;
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы;
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный Музы
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,
Вездѣ искалъ мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица
Дни кончила въ волнахъ . . .
И я — клянусь глазами,
Которые стихами

Мы въ запуски поемъ;
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что Русскіе Поэты
Давнобъ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когдабъ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

КЪ П — ну.

О любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы, не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миртомъ сочеталъ;
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, питомецъ славы,
Индесальми? страшну ночь? —
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, — и съ Музой прочь!
Между шѣмъ, какъ ты шпыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ приготовлялъ.

Щасливъ ты, шалунъ любезный,
И въ Циперской сторонѣ:
Я же всюду безполезный,
И въ любви и на войнѣ,
Время жизни въ скукѣ трачу;
(За крилатый щастья мигъ!)
Ночь зѣваю...утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! мнѣ готова
Цѣпь, сотканна изъ суетъ;
Отъ родительскаго крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой челнокъ Любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой;
Между тѣмъ какъ Лѣнь зѣвая,
На кормѣ сидитъ со мной.
Можетъ быть, какъ быстра младость
Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
Я возьмусь за умъ...да радость
Уживется ли съ умомъ? —

Ахъ! почто же мнѣ заранѣ,
Другъ любезный, унывать? —
Вся судьба моя въ стаканѣ!
Станемъ пить и воспѣвать:
„Щастливъ! щастливъ, кто цвѣтами
„Дни любови украшалъ;
„Пѣлъ съ безпечными друзьями,
„А о щастіи... мечталъ!
„Щастливъ онъ, и впрое болѣ,
„Всѣхъ вельможей и царей!
„Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
„Чужды рабства и цѣпей,
„Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
„Часто съ горемъ по поламъ;
„Наливать полнѣе чашу
„И смѣяться дуракамъ! — “

ПОСЛАНІЕ
И. М. М. А.

Ты правъ, любимецъ Музъ! отъ первыхъ впе-
чатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу
Геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ!
Кто бъ ни былъ: пламенный ораторъ иль піитъ,
Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества нѣмаго подражатель,
Наперсникъ Музъ, позналъ отъ колыбельныхъ
дней,
Что долженъ быть жрецомъ Парнасскихъ ол-
тарей.
Младенецъ щастливый, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный
неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.

Онъ къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый Май цвѣтами убирался
И жавронокъ вился надъ зеленью полей,
Златаяль радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облисшань-
емъ?
Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
Что видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра
жишель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней храни-
тель,
Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ потомству пере-
дать.
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную пе-
чать
Въ твореньяхъ Генія испытанныхъ вѣками:
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,

Отъ милыхъ Лиръ своихъ отторженный Пінпъ
Въ черпоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ,
И Титира свирѣль потомству передалъ.
Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля щастливыя даритъ;
Таланта колыбель и область Піеридъ?
Нѣтъ! нѣтъ! И въ Сѣверѣ любимецъ ихъ не
дремлетъ;
Но гласу громкому самой природы внемлетъ,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады,
Иль моря шумнаго необозримый видъ;
Все, все возноситъ умъ, все сердцу говоритъ
Краснорѣчивыми, но тайными словами,
И огнь Поэзіи питаетъ между нами.

Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
Въ трудахъ воспитанныи, уже отъ юныхъ дней
Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потаенный,
Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный,
Отъ юности въ душѣ Небеснаго залогъ,
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ.
Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ шумана
Стремился по зыбямъ холоднымъ Океана,
Къ необитаемымъ, безплоднымъ островамъ,
И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
Я вижу мысленно, какъ опрокъ вдохновенной
Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
Прислушивая волнъ однообразный шумъ...

*

Лице горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ,
И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
Слеза, извѣстная таланту одному!
Въ красѣ божественной любимцу своему,
Природа! ты не разъ на Сѣверѣ являлась
И въ пламенной душѣ на вѣки начерталась.
Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ
Какъ часто воспѣвалъ восторженный Поэтъ:
„Дрожащій, хладный блескъ полунощной Авроры,
„И льдяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ, горы,
„И Упу спящую средь звонкихъ камышей,
„И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей.!“
Въ ПальмирѣСѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ Камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
На тучны пажити Приволжскихъ береговъ
Какъ часто Дмитріевъ, разторгнувъ свѣтскіе узы,
Водилъ насъ по слѣдамъ своей щастливой Музы.

Стольчистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ
водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный
восходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный!.....
Такъ, свыше пѣжною душею одаренный,
Пиитъ, отъ юности до сребряныхъ власовъ,
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
На жизненномъ пути ему даруетъ Геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Въ замѣну щастія и скудныхъ міра благъ:
Съ нимъ Муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
И въ мірѣ, дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ;
Пускай незнаемый, безъ злата и честей,
Съ главой поникшею онъ бродитъ межь людей;
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоинъ,
Онъ будетъ судія, министръ, иль въ полѣ воинъ:
Но Музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ.
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все Пиитъ.

Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ
духомъ,
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ,
слухомъ,
Всѣмъ наслаждается, и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань, его грядущій жрецъ.

СМѢСЬ.

ХОРЪ

Для выпуска благородныхъ дѣвицъ Смольнаго монастыря.

Одинъ голосъ.

Прости, гостепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной!
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоропечной.

Хоръ.

Прости гостепріимный кровъ
Жилище юности безпечной!

Подруги! сердце въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало;
Здѣсь дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало.
Такъ! сердце наше въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало.

Виновница щастливыхъ дней!

Прими сердецъ благодаренья:

Къ Тебѣ летятъ сердца усердныя дѣтей

И чайныя благословенья.

Виновница щастливыхъ дней!

Прими сердецъ благодаренья!

Нашъ Царь, подруги, посѣщалъ

Сіе жилище безмятежно:

Онъ самъ въ глазахъ дѣтей признательность

читалъ

Къ Его Родительницѣ нѣжной.

Монархъ великій посѣщалъ

Жилище наше безмятежно!

Простой, усердной гласъ дѣтей

Прими, о Боже, покровитель!

Источникъ новый благъ и радости пролей

На мирную сію обитель.

И ты, о Боже, гласъ дѣтей

Прими, Всесильный покровитель!

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало;
Подъ сѣнью олтарей, тобой хранимый цвѣтъ,
Здѣсь юность наша разцвѣтала.
Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало.

Финалъ.

Прости же ты, священный кровъ,
Обитель юности безпечной,
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ
Какъ сонъ промчалось скоротечной!
Гдѣ сердце въ жизни въ первый разъ
Отъ чувствъ веселья трепетало,
И дружество на вѣкъ, златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало!

ПѢСНЬ ГАРАЛЬДА СМѢЛАГО.

Мы други летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море и суша покорствуютъ намъ!
О други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися спанищей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

О други! я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши спучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали

И всадникъ и пѣшій; владыка, и ты!...

А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;

А море вздымалось, я помню, горами;

Ночь черная въ полдень нависла съ громами,

И Гела зіяла въ соленой волнѣ.

По волны напрасно ярясь, хлестали:

Я черпалъ ихъ шлемомъ; работалъ весломъ:

Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали,

И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!

А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Вы, други, видали меня на конѣ?

Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,

Летая на бурномъ пипомцѣ пустыни

Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?

Желѣзомъ я ноги мои окриляя,

И лань упреждаю по звонкому льду;

Я хладную влагу рукой разсѣкая,

Какъ лебедь отважный по морю иду...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ;
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы —
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуютъ намъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

ВАККХАНКА.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бѣжала
Легче серны молодой. —
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ;
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ;

Все въ неистовой прельщаетъ!
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... она бѣжала
Легче серны молодой; —
Я настигъ; она упала!
И шимпанъ подъ головой!

Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
Эвоэ! и нѣги гласъ! —

СОНЪ ВОИНОВЪ.

Изъ Поэмы Аснедь и Аслега.

Битва кончилась: ратники лируютъ во кругъ зазженныхъ дубовъ...

...Но вскорѣ пламень потухаетъ
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ отягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожатъ краткій ихъ покой:
Иный лѣсовъ проходитъ мраки,
Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
Иный на лодкѣ легкой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ;
Весломъ десница не владѣетъ
И гибнетъ въ безднѣ бренный чолнъ;
Иный мѣста узрѣлъ знакомы,

Мѣста отчизны, милый край!
Ужъ слышитъ псовъ домашнихъ лай,
И зритъ отцовъ поля и домы,
И нѣжныхъ чадъ своихъ... Мечты!
Проснулся въ безднѣ шемноты!
Иный чудовище сражаетъ —
Безплодно мечъ его сверкаетъ;
Махнулъ еще, его рука
Подъята вверхъ.... окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ, его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
Встаетъ, и палъ! Иный плывётъ
Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ водъ,
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пѣнится горой
И вдругъ обрушилась, клокочетъ; —
Нещастный борется съ рѣкой,
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ;
И голосъ замеръ на устахъ!

Другой бѣжитъ на полѣ рашномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ; —
Трикратъ сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ!
Звеня, упали латы съ плечъ...
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой;
Нещастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся онъ...и тщетно ищетъ
И ранъ и вражьяго копья. —
Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ;
И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ...

РАЗЛУКА.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая онъ сказалъ:

* * *

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не измѣнить!

* * *

„Любви непобѣдима сила!
Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,
Чего страшиться мнѣ?

* * *

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
А если измѣню..., усами
Клянусь, наказанъ быть!

„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
Летя во вражій станъ стрѣлой;
Уздечка бранная порвися
И стремя подъ ногой!

* * *

„Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
Изломится какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой!“

* * *

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ;
Булатъ въ бояхъ не изломался —
И честь гусара съ нимъ!

* * *

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ щастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ игрушка;
А клятвы ихъ — слова!

* * *

Все здѣсь, друзья! измѣной дышетъ;
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

ЛОЖНЫЙ СТРАХЪ.

Подражаніе Парни.

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный!

Какъ съ Амурами тишкомъ,

Мракомъ ночи окруженный,

Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

Помнишь ли, о другъ мой нѣжной!

Какъ дрожащая рука

Опъ побѣды неизбѣжной

Защищалась — но слегка?

Слышенъ шумъ! ты испугалась!

Свѣтъ блеснулъ, и въ мигъ погасъ;

Ты къ груди моей прижалась,

Чуть дыша....блаженный часъ!

Ты пугалась; я смѣялся.

„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!

„Гименей за все ручался,

„И Амуры на часахъ.

„Все въ безмолвіи глубокомъ,

„Все почило сладкимъ сномъ!

„Дремлетъ Аргусъ помнымъ окомъ

„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“

Рано утреннія розы

Запылали въ небесахъ . .

Но любви безцѣнны слёзы,

Но улыбка на устахъ,

Томно персей волнованье

Подъ прозрачнымъ полотномъ,

Молча, новое свиданье

Обѣщали вечеркомъ.

Еслибъ Зевсова десница

Мнѣ вручила ночь и день,

Позднобъ юная денница

Прогоняла черну тѣнь!

Позднобъ солнце выходило

На восточное крыльцо;

Чушь блеснулобъ, и сокрыло

За лѣсъ рдяное лицо;

Долгобъ шѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ;
Долгобъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Остальною жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Баснь.

Могольцу снилися жилища Елисейски:

Визирь блаженный въ нихъ

За добрыя дѣла жилейски,

Въ числѣ угодниковъ святыхъ,

Покойно спалъ на лонѣ Гурій.

Но сонный видитъ адъ,

Гдѣ пламенемъ объятъ,

Терзаемый бичами Фурій,

Пустынникъ испускалъ ужасный вопль и стонъ.

Моголецъ въ ужасѣ проснулся,

Не вѣдая, что значитъ сонъ.

Онъ думалъ, что пророкъ въ сихъ мертвыхъ обманулся,

Иль тайну для него скрывалъ;

Тотчасъ гадателя призвалъ,

И тотъ ему въ отвѣтъ: Я не дивлюсь ни мало,
Что въ снахъ есть разумъ, цѣль и складъ.
Намъ небо и въ мечтахъ премудрость завѣ-
щало...
Сей праведникъ, Визирь оставя дворъ и градъ
Жилъ честно и всегда любилъ уединенье;
Пустынникъ наклонъ паскался къ Визирямъ.

Съ гадателемъ сказавъ, что значитъ
сновидѣнье,
Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ.
Обитель мирная! въ тебѣ успокоенье
И всѣ дары небесъ даются щедро намъ.

Уединеніе, источникъ благъ и щастья!
Мѣста любимыя! уже ли никогда
Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
Блаженству моему настанетъ ли чреда?
Ахъ! кто остановитъ меня подъ мрачной
тѣнью?

Когда перенесусь въ священные лѣса?
О Музы! сельскихъ дней утѣха и краса!
Научитель меня небесныхъ тѣлъ теченью?
Свѣтилъ блистающихъ несчетны имена
Узнаю ли опъ васъ? Иль если мнѣ дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай плѣнитъ меня источниковъ журчанье,
И я любовь и миръ пустынный воспою!
Пусшь Парка не прядетъ изъ злата жизнь мою,
И я не буду спать подъ бархатнымъ наме-
томъ;
Уже ли черезъ то я потеряю сонъ?
И меньшель по трудахъ мнѣ будетъ сладокъ
онъ?
Зимой, близь огонька, въ тѣни древесной лѣ-
томъ,
Безъ страха двери самъ для Парки отопру,
Безпечно вѣкъ проживъ, спокойно и умру.

ЛЮБОВЬ ВЪ ЧЕЛНОКѢ.

Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою,
Все спокойно! вѣшерокъ
Вдругъ повѣялъ, и волною
Принесло ко мнѣ челнокъ.

Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный;
Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
„Ахъ, малютка мой нещастный!
Ты потонешь съ челнокомъ.“

— Добрый путникъ, дай помогу;
Я не справлю сидя въ немъ.
На, весло! и понемногу
Мы къ ночлегу доплывемъ. —

Жалко мнѣ малютки стало;
Сѣлъ въ челнокъ, и за весло!
Парусъ вѣтромъ надувало,
Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрыхъ водъ;
А на берегъ собирались
Стаей Нимфы въ хороводъ.

Рѣзвыя смѣялись, пѣли,
И цвѣпы кидали въ насъ;
Мы неслись, стрѣлой летѣли...
О бѣда! о страшный часъ!..

Я заслушался, забылся,
Вѣтеръ съ моря заревѣлъ;
Мой челнокъ о мѣль разбился,
А малютка...улетѣлъ!

Кое-какъ на голой камень
Вышелъ, съ горемъ пополамъ;
Я обмокъ — а въ сердцѣ пламень:
Изъ бѣды опять къ бѣдамъ!

Всюду Нимфъ ищу прекрасныхъ,
Всюду въ горести брожу,

Лишь въ мечтаньяхъ сладострастныхъ

Тѣни милыхъ нахожу.

Добрый путникъ! въ часъ погоды

Не садися ты въ челнокъ!

Знать сіи опасны воды;

Знать малютка.... страшный богъ!

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Подражаніе Касти.

Слышишь! мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой!
Правитъ сильная десница
Коней сребряной броздой!

* * *

Ихъ копыта бьютъ о камень;
Искры сыплются струей;
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей!

* * *

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ:
На коврѣ ея богатомъ
Кто жъ, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ любимецъ,

Что на откупъ городъ взялъ...

Ахъ! давно ли онъ у крылецъ

Пыль смиренно обметалъ?

* *
*

Вотъ онъ съ нами поравнялся,

И едва кивнулъ главой;

Вотъ ужъ молніей промчался,

Пыль оставя за собой!

* *
*

Добрый путь! пока лелѣетъ

Въ колыбели щастье васъ!

Поздноль? раноль? но приспѣетъ

И невзгоды страшный часъ.

* *
*

Ахъ, Лизета! льзяль прельщаться

И теперь его судьбой?

Не ему щастливымъ звашься

Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства
Розы въ зиму разцвѣди;
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей, и дань земли:

* *
*

Мраморъ дивный изъ Пароса,
И кораллы на стѣнахъ; —
Тамъ, гдѣ въ роскоши Паѳоса,
На узорчатыхъ коврахъ,

* *
*

Щастья шаткаго любимецъ
Съ Нимфами забвенье пьетъ:
Тамъ же слезы сей щастливецъ
Отъ людей украдкой льетъ.

* *
*

Блѣденъ ночью Крезъ нещастный,
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
Мнѣ погибель суждена!

Сердце наше кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

* *
*

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть! зоркій стражъ сердецъ!
Безъ тебя ничтожно щастье;
Гибель — злато и вѣнецъ!

---

*

РАДОСТЬ.

Подражаніе Касти.

Любимца Кипридина
И миртомъ и розою
Вѣнчайше, о юноши
И дѣвы стыдливыя!
Толпами сбирайтеся,
Руками сплетайтеся
И радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру Тіискую
Камены и Граціи
Вручили съ улыбкою:
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаще амврозіи,
Что пьютъ небожители,
Въ блаженствѣ безпечные,
Польются со струнъ ея!

Сего дня — день радости —

Филлида суровая,

Сквозь слезы стыдливости,

Люблю! мнѣ промолвила,

Какъ роза, кропимая

Въ часъ утра авророю,

Съ главой отягченною

Безцѣнными каплями,

Румянѣй спановится:

Такъ ты, о прекрасная!

Съ главою поникшею,

Сквозь слезы стыдливости,

Краснѣя промолвила:

Люблю! тихимъ шопотомъ.

Все мнѣ улыбнулося;

Тоска и мученія,

И страхи и горести

Изчезли — какъ не было!

Киприда, екомая

По воздуху синему

Межь бисерныхъ облаковъ
Цитерскими птицами,
Къ Киѳерѣ иль Паѳосу,
Цвѣтами осыпала
Меня и красавицу.
Все мнѣ улыбнулося!
И солнце весеннее
И рощи кудрявыя,
И воды прозрачныя,
И холмы Парнасскіе! —
Любимца Кипридина
Въ любви побѣдителя,
И мирртомъ и розою
Вѣнчайте, о юноши
И дѣвы стыдливыя!

Къ Н.

Какъ я люблю, товарищь мой,
Весны роскошной появленье,
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье:
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня, кровавой драки.
Какое щастье, рыцарь мой!
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекой,
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокой.
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ
И ружій протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:

Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ,
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: Стрѣлки,
Впередъ! сюда Донцы! Гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, Горцы и Татары!
Свисти теперь, жужжи свинецъ!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для нихъ? для сихъ сердецъ,
Природой вскормленыхъ для сѣчи?
И вотъ...о зрѣлище прекрасно!
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ.
Идутъ, безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ;
Идутъ, ура! и все сломили,
Разсѣяли и разгромили:
Ура! ура! и гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ: а мы, въ его домахъ,
О радость храбрыхъ! киверами
Вино некупленное пьемъ

И подъ побѣдными громами

Мы хвалимъ Господа, поемъ!..

Но ты трепещешь, юный воинъ,

Склонясь на сабли рукоять:

Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ;

Онъ рвется лавры пожинать:

Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ

Въ поляхъ кровавыя войны,

И, въ вяломъ мирѣ не находитъ

Отрадной сердцу тишины.

Спокойся; съ первыми громами

Къ знаменамъ славы полетишь;

Но тамъ, о горе, не узришь,

Меня, какъ прежде, подъ шатрами!

Забытый шумною молвой,

Сердецъ мучительницей милой,

Я сплю, какъ пруженикъ унылой,

Не оживляемый хвалой.

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ, *и пр.*

I.

Всегдашній гость, мучитель мой,
О Балдусъ! долголь мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй, или — дай жить въ покоѣ!
Когда жестокій рокъ сведетъ тебя со мной —
Я не одинъ и насъ не двое.

II.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

III.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти — умомъ.

IV.

Совѣтъ Эпическому Стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей Поэмѣ полудикой:
Петръ длинной, Петръ большой, но только
Петръ Великой —
Ее не называй.

V.

Мадригалъ новой Сафѣ.

Ты Сафо, я Фаонъ; объ этомъ и не спорю:
Но къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

VI.

Надпись къ портрету Н. Н.

И тѣломъ и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столькоже пригожа.

VII.

Къ цвѣтамъ нашего Горація.

Ни вьюги ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и Музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

VIII.

Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею Сто-
лицей,
Онъ Храбрымъ Гимны пѣлъ, какъ пламенный
Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

IX.

Надпись къ портрету Графа Эмануила Сен-при.

Отъ родины его отторгнула судбина;
Но Лиліямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ:
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгесклина.

X.

Надпись на гробѣ пастушки.

Подруги милыя! въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лугахъ:
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи щастливой;
И я на утрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минутны радости вкусила:
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ щастіе сулила;
Но чтожъ досталось мнѣ въ прекрасныхъ сихъ
мѣстахъ?
Могила!

XI.

Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя Нимфою.

Ты Нимфа, Іо; нѣтъ сомнѣнья!

Но только... послѣ превращенья!

XII.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести, это *смѣсь*:

Тутъ проза, и стихи, и авторская спесь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ и ДОМОСѢДЪ.

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сижу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ;
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ; и чтожъ? изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй,
Подъ кровъ домашній воротился:
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ
Онъ осужденъ искать ... чего, не знаетъ самъ!
О страникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клитъ смиренно жили
Въ предмѣстіи Аѳинъ, подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу; но съ бодрою душой

Встрѣчали день, и ночь спокойно проводили,
За тѣмъ что по трудахъ всегда пріятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, Аѳинскои Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки, о радость! получили
Не помню, сколько минъ монеты золотой,
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отдѣлки мастерской. —
Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
Какъ думаешь своей казной расположить?
Клитъ спрашивалъ у брата;
А я, такъ домъ хочу купить,
И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
Подъ сѣнью отчаго Пената.
Земляцы уголокъ не будетъ лишній намъ:
Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
Водиться знаю съ стадомъ,
И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ;
А ты какъ думаешь?—О! я съ тобой неслоденъ;
Я пресмыкаться не способенъ

Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
И съ помощью наслѣдства,
Для дальнихъ замысловъ моихъ,
Благодаря богамъ, теперь имѣю средства!—
Чего же хочешь ты? — Я? .. славенъ быть хочу.
Но чѣмъ? — Какъ чѣмъ? — умомъ, дѣлами,
И краснорѣчьемъ и стихами
И малоль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
Дѣлиться мудростью съ жрецами:
За чѣмъ сей созданъ міръ? кто правитъ имъ и какъ?
Гдѣ кончится земля? гдѣ гордый Нилъ родится?
За чѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
За чѣмъ горящій Фебъ все къ западу спремится?
Какое щастье, милый братъ!
Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора! —
Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ,
Въ Аѳинахъ? — что сказалъ! — отъ Нила до Босфора

Прославится твой братъ, твой вѣрный Фила-

летъ!

Какое щастье! десять лѣтъ

Я стану ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду;

Но краснорѣчья даръ конечно не забуду.

Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ

И площадь нашу посѣщалъ

Не даромъ.

Не стану я моимъ превозноситься даромъ,

Какъ нашъ Алкивіадъ, оратеръ слабыхъ женъ,

Или надутый Демосѳенъ

Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами:

Нѣтъ! нѣтъ! я каждаго полезными рѣчами

На площади градской намѣренъ просвѣщать.

Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать,

Съ народомъ шумные восторги раздѣляя

И слезы радости подъ мантіей скрывая,

Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.

Ты обоймешь меня дрожащею рукою,

Когда . . . повѣришь ли? Гапкерія сама

*

На площади, съ толпою,

Меня провозгласитъ оракуломъ ума,

Ума, и можетъ быть любезности....,конечно,

Любезностью сердечной

Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.

Тогда Аѳиняне забудутъ Демосѳена

И Кратеса въ плащѣ

И бочку шута Діогена,

Которую, смотри....онъ катитъ мимо насъ! —

Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!

Щастливаго пути къ премудрости желаю,

Клитъ молвилъ краснобаю;

Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!

Вздохнулъ, пожалъ плечьми, и къ городу опять

Пошелъ — домашній бытъ и домикъ снаря-

жать. —

А Филалетъ? Къ Пирею,

Чтобъ судно Тирское застать

И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею.

Признаться,онъ вздохнулъ начавши Одиссею...

Но кто не пожалѣлъ объ отческой землѣ

На долго разставаясь съ нею?

Семь дней на кораблѣ

Зѣвая

Проказникъ нашъ сидѣлъ

И на море глядѣлъ,

Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуж-

дая.

Да гдѣжъ Тритоны всѣ? гдѣ стан Нереидъ?

Гдѣ скрылися онѣ съ толпой Океанидъ?

Я ни одной не вижу въ морѣ?

И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ

Въ Египетъ странника принесъ;

Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ;

Уже въ святилище премудрости вступаетъ,

Какъ мумія сидитъ среди бородъ сѣдыхъ,

И десять дней зѣваетъ

За поученьемъ ихъ

О жертвахъ каменной Изидѣ,

Объ Анисѣ-быкѣ, или грозномъ Озиридѣ,

О псахъ Анубиса, о чеспокѣ святомъ,
Усердно славимомъ на Нилѣ,
О кровожадномъ крокодилѣ
И..о копѣ большомъ!..
Какія глупости! какое заблужденье!
Клянуся Поллуксомъ! нѣтъ слушать болѣ силъ!
Грекъ молвилъ, потерявъ и важность и тер-
пѣнье,
Съ скамьи какъ бѣшеный вскочилъ,
И псу священному, о ужасъ! наступилъ
На божескую лапу.....
Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священ-
ныхъ,
И между Грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агапону,

Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,

Жестокому врагу и мяса и бобовъ —

(Ихъ въ гнѣвѣ Пиѳагоръ, его учитель славный,

Проклятьемъ страшнымъ поразилъ,

За тѣмъ, что у него желудокъ неисправный

Бобовъ и мяса не варилъ —).

Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ

учиться?

У Грека старецъ вопросилъ

Съ усмѣшкой хитрою; и такъ, прошу садиться

И слушать пѣнье Сферъ: ты слышишь? Ничего!

А видишь ли въ девятомъ мірѣ

Духовъ летающихъ въ Эѳирѣ? —

И менѣе того! —

Увидишь, попостясь ты года три, четыре,

Да лѣтъ съ десятокъ помолчи;

Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь бренным̀ъ

взоромъ

Всѣ тайной мудрости лучи;

Обнимешь, я тебѣ клянуся Пиѳагоромъ..... —

Согласенъ, такъ и быть! —

Но Греку шутка ли и день не говорить?

А десять лѣтъ молчать, молчать, да все по-
спиться,

За чѣмъ? чтобъ мудрецомъ

Съморщиннымъопъ поста и мудрости челомъ,

Въ Аѳины возвратиться?

О нѣтъ!

Чрезъ сутки возопилъ голодный Филалетъ:

Юпитеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ

Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ же-
лудкомъ:

Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;

Прощайтежъ на всегда Кропонски берега!

Сказалъ, и къ Этнѣ путь направилъ;

За дѣломъ! чтобъ на ней узнать, за чѣмъ и какъ

Изношенный башмакъ

Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ
оставилъ?

Узналъ, и съ вѣстью сей

Онъ въ Грецію скорѣй

Съ усталой отъ заботъ и праздности душою;
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою,
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ щастливымъ Эллады.
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,
Забавы, зрѣлища, ристанья,
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ;
Но, хижину отцовъ не рѣдко вспоминалъ
Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,
Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.
При томъ же кошелёкъ
У Грека сталъ легокъ;
А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски
горы —
Отбили у него
И остальное, воры.

Щасливъ еще, что жизнь не отняли его!
Но жизнь безъ денегъ, что? мученье нестерпимо!
Такъ думалъ Филалетъ,
Тащась полунагой въ степи необозримой.
Три раза солнца свѣтъ
Смѣнялся мракомъ ночи,
Но странника не зрѣли очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
Да горъ въ дали туманной цѣпь
Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.
Что дѣлать въ горѣ! что начать!
Придется умирать
Въ пустынѣ, одному, безъ помощи, безъ пищи.
Нѣтъ, боги, нѣтъ,
Терзая грудь вопилъ нещастный Филалетъ:
Я знаю какъ покинуть свѣтъ!
Не стану голодомъ томиться!
И межь кустовъ рѣку завидя въ далекѣ,
Онъ бросился къ рѣкѣ,
Топиться!

Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?

Нещастному вскричалъ Скептической му-

дрецъ,

Памѳилъ сѣдобородой,

Который надъ водой любуяся природой

Одинъ съ клюкой тихонько брелъ,

И къ щастью, странника нашелъ

На краѣ гибельной напасти. —

Топиться хочешь ты? Согласенъ; но сперва,

Повѣдай мнѣ, твоя спокойналь голова?

Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку иль стра-

сти!

Разсудокъ: но его что намъ вѣщаетъ гласъ?

Что жизнь и смерть равны для насъ.

Равны: такъ не за чѣмъ топиться.

Дай рукумнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться

У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть

щастливъ. —

Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ:

И нашъ герой остался живъ.

Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
Въ тѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ,
Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
Гдѣ старецъ десять лѣтъ
Провелъ въ молчаніи глубокомъ,
И въ вѣчность проницалъ своимъ орлинымъ
окомъ
Забывъ людей и свѣтъ.
Вотъ намъ-то ужинъ иль обѣдъ
Простой, но очень здравый,
Находитъ Филалетъ:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды, и только. Боже мой!
Какъ сладостно искать для трапезы такой
Въ утѣхахъ мудрости приправы!
И такъ въ томъ дивanѣтъ, что съ путникомъ
Памфилъ
Объ Атараксіи * тотчасъ заговорилъ.
Все призракъ! подъ конецъ хозяинъ заключилъ:

* Душевное спокойствіе

Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
Все призракъ! — Сновидѣнье!
Со вздохомъ повторялъ унылый Филадетъ;
Но глядя на сухой обѣдъ
Вскричалъ: я голоденъ! — И это заблужденье,
Все грубыхъ чувствъ обманъ; не сомнѣвайся
въ томъ. —
Недѣлю попостясь съ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ *призракъ* - Филалетъ рѣшился изъ пу-
стыни
Отправиться въ Аѳины. —
Пора, пора блеснуть на площади умомъ!
Пора съ Философомъ разстаться,
Который насъ не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться.
Услужливый Памфилъ
Монетъ съ десятокъ самъ бродягѣ предложилъ,
Котомкой съ желудьми сушоными ссудилъ,

И въ часъ румянаго разсвѣта

Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тай-

гета

На путь Аѳинскій, Филалета.

Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь

одинъ;

Проходитъ Арголиду,

Коринѳъ и Мегариду;

Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный

Аѳинъ,

Керамикъ съ рощами...предмѣстія начало...

Тамъ...водыИлиса!..Вънемъ сердце задрожало:

Онъ Грекъ, но мудреноль, что родину любилъ,

Что землю цаловалъ съ горячими слезами,

Въ восторгѣ, внѣ себя, съ деревьями, съ домами,

Заговорилъ!...

Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,

Когда, волненьями судьбины

Въ отчизну брошенный изъ дальныхъ странъ

чужбины,

Увидѣлъ на конецъ адмиральскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ...и столько милыхъ
лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ...Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
Который опершись на каѳедру стоитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади Аттической столицы.
Замѣтьте, милые друзья,
Что Греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я;
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ;
Такъ рѣчью ихъ сразить желая Филалетъ,
Всѣхъ раньше на помостъ погибельный взмо-
стился.
И вотъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневный родился,
Народъ зашевелился.
Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, часъ утра, часъ суетъ.

На площадь побѣжалъ ремесленникъ, Поэтъ,
Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, Архонтъ и Фрина
Съ толпой невольницъ и Сиренъ,
И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ;
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните: бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою козакъ,
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.
Знакъ данъ. Начинай! Рой шумный замолчалъ,
И Риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Аттикѣ война
Погибельна, вредна;
Потомъ — велерѣчиво, ясно,

По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть...
опасно. —
Что жъ дѣлать? закричалъ съ досадою народъ.—
— Что дѣлать? сомнѣваться.
Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться
И не мириться и не драться!..
Народъ всегда нетерпѣливъ.
Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій
ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни
живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.
Еще проходитъ мигъ —
Ну что-же? *продолжай!* Ораторъ все ни слова;
Отъ страха — гдѣ языкъ!
За то, какой въ толпѣ поднялся страшный
крикъ!
Какая туча тамъ гостова!

На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужъ свистятъ надъ жертвой...
И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,
Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверзты...къ Клиту! —
И такъ тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, неграмотный, презрѣнный,
ВъАѳинахъ дни влачитьбезъ славы осужденный!
Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады проситъ,
И брата своего, какъ старика Эней,
Къ порогу хижины своей
На раменахъ доноситъ.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣетъ добрый Клитъ!
Не сводитъ глазъ съ него, съ нимъ сладко говоритъ,
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ.
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!

Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и
вспалъ
И брашу кинулся на шею со слезами;
А брашъ, гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.
Весь домикъ въ суетахъ! жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на машь свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простый, но щедрый даръ наслѣдственныхъ
полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета,
И чаша поднялась за здравье Филалета!
Пей, ѣшь и веселись нежданный сердца гость!
Всѣ гости за одно съ хозяиномъ вскричали;
И что же? Филалетъ, забывъ народа злость,
Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ
Въ восторгѣ, о тебѣ великолѣпный Нилъ!

*

А дней черезъ пяшокъ, не болѣ,
Наскуча видѣшь все одно и шоже поле,
Все шѣже лица всякой день,
Нашъ Грекъ, повѣритель? какъ въ клѣшкѣ спо-
сковался.
Онъ началъ по лѣсамъ прогуливашь ужь лѣнь;
На горы ближнія взбираешься,
Бродишь всю ночь, весь день шашашься;
Потомъ, Аѳины спалъ шихонько посѣщашь,
На милой площади опять
Зѣваешь,
Съ Софистами о томъ, объ этомъ толковашь;
Потомъ... провѣдавъ онъ опъ старыхъ грамо-
шѣевъ,
Что въ мірѣ есшь спрана,
Гдѣ вѣчно царствуешъ весна,
За розами побрелъ — въ снѣга Гиперборесвъ.
Напрасно Клишъ съ женой ему кричали въ
слѣдъ
Съ домашняго порога:

Врать милый, ворошись, мы просимъ, ради
Бога!
Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? новыхъ бѣдъ?
Откройся, что тебѣ въ отечествѣ не мило?
Иль дружество тебя, жестокій, огорчило?
Останься, милый братъ! останься, Филалетъ!

Напрасныя слова — Чудакъ не ворошился —
Рукой махнулъ ... и скрылся.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

1814.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

Межь шѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ
Завидя вдалекѣ твои, о Реинъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю,
И грудь усталую въ бою,
Желанной влагой обновляетъ...

* * *

О радость! я стою при Реинскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окрестность брося взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ;
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ, вѣчною струей
Ты льешься, Реинъ величавой!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О Рейнъ, ты поилъ нещетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ щастья, бичь свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Рейнъ, воды.

* *
*

Вѣка мелькнули: Міръ крестомъ преображенъ;
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились. —
Здѣсь вишязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ жентъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые — и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой Трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сы-
новъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.

* * *

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и Бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаётъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы....
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ вре-
менъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, вели-
чавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, увы! позналъ и стыдъ и плѣнъ...
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стенялъ,
И ты, — уныло протекалъ
Между враждебными полками?

* * *

Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священ-
ныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ Зареинскихъ сыновъ?
Давноль они, кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ, среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы настaлъ! Мы здѣсь сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и съ громами!...

Стеклись съ морей покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!..

* * *

Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ граждан,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ разцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ;
Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарный,
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Реинъ, здѣсь! ты видишь блескъ
мечей!
Ты слышишь шумъ полковъ, и новыхъ коней
ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій
По прупамъ вражескимъ летятъ
И вопъ — коней лихихъ поятъ
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

* *
*

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легкихъ всадниковъ рои —
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрю-
мыи лѣсъ!
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ!
И чаши радости сверкаютъ!
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ рапникъ рапника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ спальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

* * *

Тамъ всадникъ опершись на свѣтлу сталь
копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ, и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ —
И на груди свой мѣдный кресть
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служишель олтарей:
Его, шумя пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ;
И солнце юное съ небесъ
Олтарь сіяньемъ осыпаетъ.

* * *

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось;
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись—валитъ за строемъ строй!
Какъ море шумное волнуется все войско;
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель неслышанный, о Реинъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ —
Отъ глазъ вдали теряясь дымной!..

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ,

ЭЛЕГІЯ.

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In noturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!

Che più spera, oche s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

Torrismondo Trag. di T. Tasso.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ аромат и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ Хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ Намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима;
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ...пѣвецъ Ерусалима!

И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торкватo:
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей, столь поздния награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

„Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный
Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище.
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квириновъ пепелище!
Земля священная Героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!

Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополы, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поилець всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ
стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!

Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?

Сорентo! колыбель моихъ нещастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ про-
лилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну
гонимый
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду персть ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ орагая простова,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы
моей
Безславіемъ и славой удрученной,

Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?

Ферара... Фуріи... и зависти змія!...
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и сѣмья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...
И въ Капитоліѣ — Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И Геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.

Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,

На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;

Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,

Васъ, мирныя убѣжища Ливана!

Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,

Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:

Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, Владыко, вождь Царей

Подъ свистомъ стрѣлъ, спокойный, величавый;

Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,

Въ любви, въ войнѣ щастливый побѣдитель;

Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ

Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...

И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!

О доблести неслыханной примѣры!

О нашихъ праотцевъ давно почившихъ сномъ

Тріумфъ святой! побѣда чистой Вѣры!
Торкватовасъ изторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны—
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.

Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!.. —

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучь таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять Тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужь къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;

Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—„Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ...
УжьАнгелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крилами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все...и слава и вѣнецъ...
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!

Тамъ все великое чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и Вѣрой укрѣпленъ
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ..о щастіе!.средь непорочныхъ
женъ,
Средь Ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!“

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догаралъ...и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торкватто нашъ!воскликнулъ съ плачемъ
Римъ,
Погибъ пѣвецъ,достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ;
И трауромъ покрылся Капитолій.

БЕСѢДКА МУЗЪ.

Подъ тѣнію черемухи млечной
И золотомъ блистающихъ акацій
Спѣшу возстановить олтарь и Музъ и Грацій,
Сопутницъ жизни молодой.

* *
*

Спѣшу принесть цвѣты и ульевъ сотъ янтарный
И нѣжны первенцы полей:
Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
И гимнъ Поэта благодарный!

* *
*

Не злата молитъ онъ у жертвенника Музъ:
Онѣ съ Фортуною не дружны.
Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливой союзъ,
И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны

Не молитъ Славы онъ сіяющихъ даровъ:
Увы! шаланитъ его ничтожень.
Ему отважный путь за спаею орловъ
Какъ пчелкѣ, не возможенъ.

* * *

Онъ молитъ Музъ, душѣ усталой отъ суетъ
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть, вянущимъ безпрестанно чувствамъ.

* * *

Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни Музъ
Любимца ихъ не тронетъ:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ Гра-
цій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни гус-
той
Своихъ черемухъ и акацій.

Конецъ.

Имена особъ, благоволившихъ подписаться на сію книгу.

Въ С. Петербургѣ.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, Государыня Императрица Елизавета Алексѣевна.
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Великій Князь Николай Павловичь.
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна.

Ихъ Сіятельства:

Князь Иванъ Алексѣевичь Гагаринъ.
Князь Сергій Серг.евичь Голицынъ.
Князь Петръ Андреевичь Вяземскій.
Князь Василій Андреевичь Долгорукой.
Князь Николай Андреевичь Долгорукой.
Князь Александръ Михайловичь Горчаковъ.
Князь Юрій Ивановичь Трубецкой.
Князь Петръ Ивановичь Тюфякинъ.
Князь Андрей Михайловичь Голицынъ.
Княгиня Татьяна Васильевна Голицына.
Княгиня Наталія Степановна Голицына.
Графъ Димитрій Николаевичь Шереметьевъ.
Графъ Александръ Григорьевичь Кушелевъ.
Графъ Димитрій Ивановичь Хвостовъ.
Графъ . . . . . Воронцовъ.
Графъ Александръ Васильевичь Кочубей.
Графъ Матвѣй Юріевичь Велегорскій.
Графъ Константинъ Петровичь Толстой.
Графъ Ѳедоръ Петровичь Толстой.
Графиня Александра Григорьевна Лаваль.
Графиня Прасковья Николаевна Головина.
Графиня Софія Владимировна Панина.

Ихъ Высокопревосходительства:

Николай Семеновичь Мордвиновъ.
Димитрій Прокофьевичь Трощинскій.
Анна Никитична Нарышкина.

Ихъ Превосходительства:

Алексѣй Николаевичь Олениинъ.
Михайло Ѳедоровичь Орловъ.
Юрій Александровичь Нелединскій-Мелецкій.
Александръ Ивановичь Тургеневъ.
Александръ Петровичь Вельяшевъ.
Григорій Ивановичь Виламовъ.
Василій Михайловичь Поповъ.
Дмитрій Никифоровичь Доброжанскій.
Петръ Петровичь Коновницынъ.
Василій Сергеевичь Шереметьевъ.
Павелъ Львовичь Батюшковъ.
Михайло Александровичь Салтыковъ.
Марія Димитріевна Нарышкина.
Каперина Ѳедоровна Муравьева.
Елизавета Сергеевна Огарева.
Агаѳаклея Марковна Сухарева.
Марія Алексѣевна Тучкова.
Каперина Осиповна Горголи.
Софія Евстафіевна Батюшкова.

Ихъ Высокородія:

Николай Михайловичь Карамзинъ.
Димитрій Марковичь Полторацкій.
Ѳедоръ Александровичь Уваровъ.
Петръ Ивановичь Полетика.
Павелъ Павловичь Пезаровіусъ.
Николай Михайловичь Лонгиновъ.
Димитрій Прокофьевичь Познякъ.
Прасковія Михайловна Нилова.

Ихъ Высокоблагородія:

Василій Андреевичь Жуковскій.
Димитрій Петровичь Свѣринъ.
Димитрій Николаевичь Блудовъ.
Баронъ Сергій Григорьевичь Строгоновъ.

Иванъ Андреевичь Крыловъ.
Алксандръ Ефимьевичь Измайловъ.
Пещуровъ.
Николай Ивановичь Кривцовъ.
Николай Петровичь Типовъ.
Филипъ филиповичь Вигель.
Семенъ Григорьевичь Краснокутскій.
Михайло Кириловичь Грибовскій.
Петръ Александровичь Лихачевъ.
Тимоѳей Никитичь Крикуновскій.
Александръ Ивановичь Гассингъ.
Андрей Васильевичь Малиновскій.
Христофоръ Акимовичь Лазаревъ.
Димитрій Ивановичь Языковъ.
Баронъ Петръ Александровичь Черкасовъ.
Павелъ Петровичь Свиньинъ.
Димитрій Радіоновичь Гаряиновъ.
Дубянскій.
Иванъ Ѳедоровичь Воейковъ.
Василій Васильевичь Погодинъ.
Аксаковъ.
Лейбъ-Гренадер. полка Капитанъ Резановъ.

Ихъ Благородія:

Акимъ Ивановичь Пономаревъ.
Аркадій Гавриловичь Родзянка.
Николай Инановичя Уткинъ.
Сава Михайловичь Мартыновъ.
Марія Степановна Мартынова.
Семенъ Васильевичь Капнистъ.
Николай Петровичь Полозовъ.
Всеволодъ Никандровичь Жадовскій.
Вильгельмъ Карловичь Кухельбекеръ.
Димитрій Максимовичь Шварцъ.
Петръ Петровичь Татариновъ.
Николай Ивановичь Пономаревъ.
Петръ Платоновичь Энгельгардъ.
Ѳедоръ Николаевичь Глинка.
Александръ Сергеевичь Глинка.
Баронъ Дельвигъ.
Павелъ Ивановичь Калошинъ.
Сушковъ.
Неизвѣстная особа.

Николай Ивановичь Батюшковъ.
Романъ Гавриловичь Соколовичъ.
Алексѣй Филиповичь Фіалковскій.
Шляхтинскій.
Юдинъ.
Семинаріи Секретарь Паяпковъ.
Каменскій.
Александръ Антоновичъ Рачинскій.
Иванъ Андреевичь Фелькнеръ.
Николай . . . . . Ельчаниновъ.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Артиллеріи Капитанъ Зварковскій.
Купецъ Леонтій Свѣшниковъ.
Купецъ Осипъ Свѣшниковъ.
Купецъ Толбухинъ.
Купецъ Житницкій.
Купецъ Алексѣй Поршняковъ.
Купецъ Петръ Ивановичь Глазуновъ.
Купецъ Сусленниковъ.
Купецъ Иванъ Григорьевичь Санаевъ.
Для Библіотеки Гвардейскаго штаба.
Для Библіотеки Казанскаго Университета.

Въ Ригѣ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичь Парфеновъ.

Въ Твери.

Купецкой сынъ Арсеній Андреевичь Жуковъ

Въ Торжкѣ.

Купецъ Петръ Андреевичь Баранниковъ.

Въ Новгородѣ.

Его Высокоблагородіе Владимиръ Сергеевичь Филимононъ

Въ Ряжскѣ.

Павелъ Александровичь Сапинъ

Въ Костромѣ.

Его Высокородіе Николай Федоровичь Грамапинъ.

Въ Данковѣ.

Его Высокоблагородіе Степанъ Дмитріевичь Нечаевъ.
Петръ Александровичь Хрущовъ.

Въ Бѣлевѣ.

Его Высокоблагородіе Баронъ Иванъ Петровичъ Черкасовъ.
Алексѣй Андреевичъ Елагинъ.

Въ Полтавѣ.

Его Благородіе Карлъ Флиге.

Въ Казани.

Ея Высокоблагородіе Поликсена Ивановна Рындовская.

Въ Орлѣ

Его Сіятельство Графъ Сергій Михайловичь Каменскій

Въ Семферополѣ

Его Превосходительство Семенъ Семеновичь Жегулинъ

Въ Дубно

Его Высокоблагородіе Александръ Андреевичъ Унгебауръ

Въ Оренбургѣ.

Его Благородіе Ѳедоръ Ивановичь Германъ.

Въ Москвѣ.

Ихъ Сіятельства:

Князь Николай Николаевичь Оболенскій.
Князь Алексѣй Григоріевичь Щербатовъ.
Князь Александръ Петровичь Трубецкой.
Князь Сергій Ивановичь Голицынъ.
Князь Николай Ѳедоровичь Голицынъ.
Князь Василій Ѳедоровичь Гагаринъ.

Княжна Елена Петровна Трубецкая.
Княгиня Екатерина Александровна Трубецкая.
Графъ Ѳедоръ Ивановичь Толстой.

Его Высокопревосходительство:

Степанъ Степановичь Апраксинъ.

Ихъ Превосходительства:

Иванъ Ивановичь Димитріевъ.
Паисій Сергеевичь Кайсаровъ.
Захаръ Николаевичь Посниковъ.
Алексѣй Михайловичь Пушкинъ.
Елизавета Николаевна Аршеневская.
Катерина Алексѣевна Рябинина.
Марія Васильевна Сушкова.

Ихъ Высокородія:

Антонъ Антоновичь Антонскій.
Командиръ Углиц. полка Квашнинъ-Самаринъ.
Елизавета Алексѣевна Брянченинова.

Ихъ Высокоблагородія:

Ѳедоръ Ѳедоровичь Кокошкинъ.
Дмитрій Ивановичь Вельяшевъ-Волынцовъ.
Александръ Михайловичь Гедеоновъ.
Василій Львовичь Пушкинъ.
Петръ Семеновичь Полуденскій.
Матвѣй Михайловичь Солнцевъ.
Николай Герасимовичь Савинъ.
Николай Александровичь Радищевъ.
Николай Ивановичь Шамшевъ.
Петръ Ѳедоровичь Какошкинъ.
Сергій Николаевичь Глинка.
Александръ Степановичь Крюковъ.
Петръ Васильевичь Сушковъ.
Катерина Ивановна Иванова.
Марія Дмитріевна Бабарыкина.

Ихъ Благородія:

Александръ Степановичь Талызинъ.
Александръ Степановичь Ефремовъ.
Василій Андреевичь Протошинскій.

Матвѣй Ѳедоровичь Ивановъ.
Сергій Алексѣевичь Кокошкинъ.
Петръ Михайловичь Пагодинъ.
Абрамъ Сергіевичь Норовъ.
Алексѣй Ѳедоровичь Чаплинъ.
Павелъ Ивановичь Вавиловъ.
. . . . . Шелеховъ.

Фундаментальная
Научной
библиотеки
Урал. У.
Фонд

2281
L.1